

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Лина
БОГДАНОВА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ
СУДЕБ

В каждом
человеке
живет
надежда
на счастливый
поворот
судьбы...

Женские судьбы (Четыре Четверти)

Лина Богданова

На перекрестках судеб

«Четыре четверти»

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Богданова Л.

На перекрестках судеб / Л. Богданова — «Четыре четверти»,
— (Женские судьбы (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-640-0

Успешному аналитику Михею Матвееву, много лет работающему за рубежом, посчастливилось взять отпуск и вернуться в Россию. В родном городе волей случая он становится участником частного расследования: на его влиятельных земляков обрушивается масса неприятностей. Вместе с бывшим сослуживцем майором Борисиком Матвеев обнаруживает, что истоки всех бед кроются в прошлом потерпевших, причастных к трагедии, унесшей жизни двух человек. Остается выйти на удивление изворотливого и коварного мстителя. При более близком знакомстве с подробностями дела Михей ощутил непреодолимую симпатию к одиночке, бросившей вызов высоким чинам.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-640-0

© Богданова Л.
© Четыре четверти

Содержание

«Конец – это чье-то начало»	6
Рай на земле дается лишь избранным	10
Кто везет, на том и ездят	18
С милым рай и в шалаше	27
Не было бы счастья...	34
И так приятно возвращаться под крышу дома своего...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лина Богданова

На перекрестках судеб

© Богданова Л., 2023

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2023

* * *

*Все события придуманы автором,
совпадения абсолютно случайны*

«Конец – это чье-то начало»

В. Высоцкий

Сентябрь 2005. Минск

Бессмысленный взгляд наткнулся на зеркало. И застыл, цепко исследуя отражение. Или его отсутствие. Да, именно отсутствие. Ее не стало около трех месяцев назад. Восемьдесят семь дней и два часа невыносимого одиночества и боли. Так чему удивляться?

Из зазеркалья затравленным мороком-зверем смотрела незнакомая старуха. Изможденное лицо, погасшие глаза, спутавшиеся седые пряди, тяжелый, пронизывающий взгляд...

«Это все, что осталось. К чему? Да совершенно ни к чему! Кому может понадобится такое вот абсолютно несчастное, вызывающее брезгливость страшилище? Разве что детей пугать...

Детей... бедные дети! Они ни в чем не виноваты, а отвечают за чужие грехи наравне со взрослыми».

– Нет!!! Только не о детях!

Уродка отпрянула от зеркала и понеслась в угол палаты, роняя табуретки и разбрасывая по сторонам все, что попадалось на пути.

– Сестричка! Новенькой плохо! – тоненьким жалобным голоском заверещала лежащая в злополучном углу бабулька, прикрываясь подушкой от несущегося прямо на нее торнадо. – Спасите! Помогите! Убивают!

– Кто убивает? – в палату ворвалась дежурная сестра. – А, снова эта... А еще в положении. Стыдно, дамочка! Поимели бы совесть...

– Ой, не могу, еще и в положении! – прыснула с крайней от входа кровати тучная женщина в средних летах с бигуди на макушке. – Нет, наши мужики вааще с катушек сорвались! Тут всю жизнь стараешься для них, стараешься. И что? Ноль по фазе! Не был, не состоял, не участвовал. Так старой девой и помрешь! А некоторые... ишь, в преклонных летах залетают! Ну, никакой справедливости!

– Эй, вы, больная Легкоступова, прекратите издеваться над другими пациентами! – мимоходом переключилась на нее медсестра. – Здесь случай тяжелый, понимать надо.

– Мне бы такой тяжелый случай! – огрызнулась больная Легкоступова. Но издеваться перестала.

– Успокойтесь, Османова! Вам нельзя волноваться. Прилягте вот... Я сейчас доктора позову. Он посмотрит, может, разрешит укольчик вам внеплановый сделать... Давайте помогу лечь...

«Османова? Почему? Видимо, мама посчитала, что так будет безопаснее. Но к чему мне безопасность? – пробилась сквозь боль и туман тревога и сменилась безразличием: – Как будет, так будет...»

– Османова? Ах, она еще и Османова! Небось, чеченка! Нет, вы только поглядите! С местными, значит, прекратите издеваться, а с этими – нельзя волноваться! Да они наших парней тысячами в расход пускали! Чего канителишься? Предательница! – возмущалась Легкоступова.

– Лежи уж, – укорила ее соседка. – Какая она тебе чеченка? Чисто русская, одни глаза чего стоят – живые васильки, таких у чечен отродясь не бывало...

– Живые васильки... – не поверила собеседница, однако утомилась, перешла на шепот. – Может, и были когда живыми, а сейчас – мертвые.

– Видать, натерпелась, девка... – вздохнула бабулька, укрывая соседку одеялом.

– Да какая ж девка? Старуха... – упорствовала Легкоступова.

– Я ж и говорю: натерпелась...

Сестра привела доктора.

– Ну, что тут у нас? – тот присел на краешек кровати. – Мы же договаривались...

– Девочки, на обед! – в дверях показалась голова в поварском колпаке.

– Наконец-то... – простонала Легкоступова, тяжело поднялась и поспешила к выходу. –

Сегодня плов обещали, пошли, подруженьки, что ли...

Палата опустела в считанные минуты. Плов в отделении считался деликатесом. Традиционные котлеты порядком надоели обитателям палаты № 6.

– Вот и славненько. Теперь можно и поговорить, – улыбнулся доктор пациентке. – Или Вы предпочитаете плов?

– Лучше поговорим, я не голодна.

– А зря. В Вашем положении...

– Причем здесь мое положение? Вы не первый, кто о нем вспоминает...

Доктор внимательно посмотрел на больную:

– А Вам разве не сказали... там?

– Вы имеете в виду психушку? Разве там могли что-нибудь сказать?

– Если бы Вы позволили...

– Давайте не будем...

– Давайте...

– Итак, что со мной? Рак? Необратимые психические процессы? Что-то еще? Можете не юлить – мне все равно. Моя жизнь кончилась три месяца назад. Почти... Восемьдесят семь дней и три часа... Одним окончательным приговором больше, одним меньше...

– Ну-ну, не стоит бросаться в крайности.

– Бросьте, доктор...

– Даже так? Вы для себя все решили? Тогда, боюсь, моя новость Вас не обрадует.

– Я давно разучилась радоваться. Восемьдесят семь дней...

– ...и три часа назад, помню. Значит, Вы ни о чем не догадываетесь? А должны бы, – доктор взял больную за руку. – Итак, о положении... Вы в положении. То есть беременны. Срок... кхм... недель десять-двенадцать...

Женщина откинулась назад, больно ударившись о металлический изгиб изголовья:

– Издеваетесь? Такого не может быть, понимаете Вы! Никогда... ни за что! Никаких детей!!! Слышите? Никаких!!!

Доктор взял пациентку за руку, кивнул медсестре. Тонкая игла вошла в предплечье почти незаметно. Лишь вмешательство препарата заставило женщину охнуть от боли.

– Тссс... – врач приложил свободную руку к губам. – А теперь спать. Продолжим разговор позже.

– Но как же... – начала было больная. И не закончила. Препарат действовал мгновенно. В ее положении это было самым лучшим выходом.

– Как проснется, приведете ко мне в кабинет. И поменьше распространяйтесь, у нас тут не песочница. А ведь каждая со своей трагедией. Так что не стоит усугублять...

– А я что? – развела руками сестра. – Я ничего. Они сами...

– А про положение тоже сами? Чуть что – переведу к лежащим.

– Но, Александр Маркович...

– Я предупредил...

Ей снилось что-то воздушно-приятное. То ли полет в небесах, то ли купание в вечернем море. Где-то за облаками или волнами туманно вырисовывалось нечто тревожное. Но безопасно далекое. Бог с ним! Пока она доплывет-долетит до опасности та, вполне вероятно, поте-

ряет свою актуальность. Впрочем, плыть не хотелось, хотелось зависнуть и остаться навечно в ласковой теплой стихии. Просто парить, просто качаться, ни о чем не думая. Просто существовать...

«Может, я растение? – лениво текли стороной мысли. – Водяная лилия? Кувшинка? Лотос? Нет, какое там! На лотос я явно не тяну. Какая уж тут экзотика?..»

На прозрачной поверхности отражались облака. Легкие, пушистые, они тянулись за горизонт, унося с собой что-то очень важное. И Бог с ним! Что может быть важнее спокойствия, прохладной неги...

В белоснежных завитках угадывались строения, фигуры, лица... Водная гладь отражала их с четкостью зеркала... До колонн и балкончиков, до волосинок и пуговок, до родных родинок и веснушек... Нет! Только не веснушки! И не родинки! Никаких ассоциаций! Никаких...

– Прочь! – взревела она, выныривая из сонного морока. – Прочь отсюда!!!

– Проснулась, значит, – послышался из глубин скрипучий голос. – Зовите сестричку...

В унылой комнатухе стоял крохотный столик, два креслица, вешалка с одиноким пальто, белый короб холодильника. На стене чуть перекошилось запыленное зеркало.

«Подойти? Ведь нет никого! Впрочем, можно рассмотреть то, что осталось. Чтобы потом не пугаться собственного отражения».

– А стоит ли? Может, так и уйти, не познакомившись с новым обликом? По-английски. Жалеть-то почти некому. Разве что мама... и он... Неужели? Но как же... и когда...

Она позволила себе слегка слукавить. Каждая женщина совершенно точно знает, когда это случилось. И как...

Потрескавшиеся губы тронула улыбка. Первая за три месяца...

– Ой... – резкая боль прервала терзания.

– Болит? Еще бы... Как это Вас угораздило. Поберегли бы голову-то. Давайте смажем... Где тут у нас бальзамчик?

Пожилой доктор вошел неслышно. И тут же принялся суетиться у холодильника. Переставлял флаконы и коробки, что-то бормотал себе под нос, скрипел дверцей, то и дело поправлял съезжающие очки.

– Доктор, насчет беременности Вы не пошутили?

– С Вами шутить небезопасно, – улыбнулся тот, – так что поостерегусь пока. А Вы поравайтесь.

– Чему?

– Ну как же...

– А, Вы об этом... Вряд ли смогу... не к месту все это... не к месту...

– Я думаю иначе. Если, конечно, Вас интересует чужое мнение. Если хотите, это Божий подарок. Своеобразная замена...

– Нет!!!

– Еще раз простите, сглупил... Какая здесь может быть замена?

Доктор смутился, уронил коробочку с бальзамом. Неуклюже присел.

Она отвернулась к окну. Хотелось плакать. Но слез не было. Похоже, закончились в тот проклятый вечер. Ушли прочь. Вместе с верой и надеждой. Смыли любовь. А заодно и смысл жизни. Оставили боль, горечь. И пустоту...

– Еще один укольчик можно... – шепнул доктор из-за спины. – Так надо. Потерпите денек. Потерпите...

«Еще денек. И еще... и снова... Она только и делает, что терпит. А что остается? Ведь живых в могилу не кладут. А умереть...»

– О самоубийстве даже не думай, – шептала мать, укачивая ее, как маленькую девочку, проснувшуюся от затяжного кошмарного сна. – Грех это, а грешники с невинно убиенными на том свете никогда не встречаются. Никогда...

Мудрая мама знала, как уберечь дочь от последнего шага.

И смогла донести до воспаленного сознания это «никогда». О самоубийстве пришлось забыть. Продолжить земное существование. Лишенное ценностей и смысла. Наполненное болью, гневом и чувством вины. Несмываемой, неискупаемой, обостряющейся каждый день, каждую минуту...

– Бог дает нам лишь те страдания, которые мы сможем вынести, – шептала мама, поглаживая поседевшие прядки. – Держись, моя девочка. Держись...

Ах, если бы она могла! Ах, если бы...

И было забвение. Потом взрыв, психиатрическая лечебница. Бокс для буйно помешанных, как говорили санитары. Недели тяжелого медикаментозного забытья. Между ними – приступы боли, гнева, отчаяния, содранные в кровь пальцы, обломанные ногти, сорванный голос. Что-то еще... такое же острое и беспросветное... Теперь вот, этот крохотный кабинет, палата № 6. И пустота...

Нет, не пустота... Никому не нужная беременность... Начало чьей-то жизни... К чему? У нее не хватит сил и чувств, чтобы выносить, родить, вырастить ребенка... Ее ребенка... ЕГО ребенка...

Она поднялась и подошла к зеркалу. Никакого намека. А должен бы... Совершенно ничего не изменилось с момента последнего свидания с отражением. Изможденная старуха. Пустые, глубоко запавшие глаза. Глубокие носогубные складки. Искусанные в кровь, отливающие синевой губы. Обвисшие груди. Впалый живот. Безвольно опущенные руки...

– Это пройдет, – грустно улыбнулся доктор. – Покой. Хорошее питание. Прогулки на свежем воздухе. Вы выдержите. Время – хороший доктор. Это не банальность, десятилетиями проверенная истина...

«Похоже, теперь все улыбки на ее пути будут грустными. А какими они могут быть после жизни, которая осталась там, на узкой больничной койке. Восемьдесят семь дней назад. Плюс восемь часов. Или уже не восемь? Обратный отсчет? Увы... А ей бы хотелось, чтобы он был обратным...»

– Так что? Будем жить? Вы нужны ребенку. У него никого, кроме Вас...

«Меня тоже нет. Я закончилась... Но если так было угодно Богу, продолжусь в чужой жизни. Начну заново. Было бы за что зацепиться... Впрочем, кажется, есть... Как я могла забыть! Господи...»

Доктор смотрел с ожиданием. Милый доктор...

– Будем. Придется... У *них* никого, кроме меня...

– Ах, да! Я забыл о Вашей маме...

«Я тоже... Не объяснять же, что не о маме она вела речь...»

Итак, отпущенное ей время не кончилось в тот ужасный день. Просто замедлило свое движение. Потянулось густым киселем сквозь частое сито, свисая бесчисленными сосульками, едва заметно расплываясь липкими кисельными лужами по поверхности души.

– Господи! Ну, сделай же что-нибудь! Я просто не выдержу так долго! Я хочу к *ним*, понимаешь?

Нет ответа. Стало быть, ей придется сотни, нет, тысячи лет волочь неподъемную ношу. Или...

Рай на земле дается лишь избранным

Июнь 2005, Россия,

заимка в трехстах километрах от поселка Валюшино, Н*-ской области

- Чем сегодня займемся? Может, начнем с баньки?
- Достал ты всех своей озабоченностью, Санек! Ну сколько можно?!
- А я чего? Я ж просто баньку хотел natoпить... – развел руками Санек, Сан Саныч Жук, сорокалетний управляющий делами губернии.
- Ага! Так мы и поверили! Просто баньку! А что к баньке твоей десяток девок прилагается, так это вроде как само собой. Типа веников березовых...
- Да ладно вам, Ерофей Игоревич! Во всем аморалку видите! Чисто рентген!
- Работа у меня такая, Санек! – Ерофей откупорил запотевшую бутылку пива, с наслаждением отхлебнул немного и с чувством запел: – «Работа у нас такая, забота наша простая – была бы страна родная...»
- «...и нету других забот...», а чё, в самую точку! Тебе бы только страна была, а все остальное сам добудешь! – на террасе появилось новое действующее лицо.
- Вернее, бездействующее. Какие могут быть действия субботним утром в заповедном уголке Валюшинской пуши? Разве что банька. Или рыбалка. Или купание в речке. Или...
- Привет тебе, привет, Олежек! – обернулся на голос Ерофей. – Чтоб ты знал, революционные песни ко всем нам самое непосредственное отношение имеют.
- Вот именно, что самое непосредственное! Если бы не они, со средствами нам бы ох, как туго пришлось! А так... – Олег Олегович Сапун обвел руками накрытый к завтраку стол, водолазную амуницию, развешенную после вчерашнего дайвинга на перилах террасы, стоящий в тени пихт новенький джип, прочие жизненные удовольствия. – Чем сегодня займемся?
- Санек вон в баньку зовет...
- Как? Опять? Да такими темпами мы за уик-энд в импотентов превратимся, мачо ты наше ненаглядное. Мне и вчерашнего за глаза... Давай на посошок твою баньку оставим, а? На завтрашний вечер-вечерок. Тем более дождик обещают. А на сегодня солнце и плюс двадцать семь – какая уж тут банька? Грех взаперти сидеть!
- Во-во, разнообразие приветствуется! Не сутками же в баньке полки протирать... Я – за речную прогулку. Иван рыбалку обещал. Знатную. С форелью и сазанчиками.
- А акулу он тебе не обещал? Говорят, из акул обалденная уха получается, – подмигнул приятелю Ерофей Игоревич, усаживаясь за стол.
- Акулу? Так ведь они только в море водятся... – не понял юмора Сапун.
- Да какая разница? С Гулькиными способностями? Стоит ему захотеть, в Валюшке не то что акулы, киты водиться будут! Правда, Ванятка?
- Зашедший на террасу со стороны сада Иван Иванович Гулякин широко улыбнулся, сладко потянулся и принялся энергично размахивать руками.
- Производственная гимнастика, – хихикнул Жук, – не рано ли?
- Утренняя, дурень! В самый раз! Я – за здоровый образ жизни...
- Разве что по утрам. С вечера ты о здоровье напрочь забываешь. А о ночи я лучше умолчу.
- Ты мне на двух телок намекаешь, что ли? Подумаешь! Да мне с моей утренней гимнастикой и три нипочем! Гулять так гулять! В кои-то веки свободный вечер нарисовался...
- А жена не заругает?
- Если ты не проболтаешься... а хотя – на здоровье! Видал я ее в гробу в подходящих ситуации тапочках! Самой под сорок, а жиром заплывала от пяток до макушки. Где зад, где

перед – не разберешь. Только и знает, что жрет. Хоть ты киллера нанимай! Достала! И вроде с бабой живу, а в сплошном воздержании! А ты говоришь: две телки... Да мне хоть пять дай, я с голодухи...

Гулькин частил и пытался уловить реакцию по лицам. Поверят или нет? Боялся, что правда выплывет на поверхность, и все эти пересмешники, не имеющие за душой ничего святого, поймут, что имеется у негнибавшего Ивана слабинка. Да, он обожал свою красавицу жену и готов носить ее на руках до скончания только что начавшегося века. И сдвигать пылинки. И молить Бога... если бы она позволила. Если бы!

Увы, Карина не особо жаловала супруга. Презирала. Тайно ненавидела. И при любом подходящем случае пыталась уйти из его жизни. Но Гулькин попытки предупреждал, удерживая любимую всеми силами и возможностями. Ревновал. Задаривал подарками. Стелился. И до ужаса боялся выдать себя горе-приятелям.

А посему на всех мальчишниках имитировал ярко выраженную сексуальную озабоченность – с одной стороны и пренебрежение к супруге – с другой. Пока удачно. Хотя и сил отнимало – будь здоров! Но что не сделаешь ради имиджа? Одной рыбалкой и спасался. Тут уж никакой конкуренции. И самим собой можно остаться. Так и жил...

– Слышь, Санек? У тебя компаньон на баньку объявился.

– А как же рыбалка?

Гулькин перешел к приседаниям:

– Только не надо намекать на мою непорядочность: сказал – сделаю, значит, сделаю. Прямо после завтрака и рванем. А хотите: на вечерней зорьке? Тут по заводям красота на закате неопишная... А ночью...

– Ну, на ночь у нас другие виды имеются. Мотя с Николенькой на заседки собрались. Роберт фейерверк обещает. С сюрпризом. Опять же девочки... Купание под луной. Романтические прогулки. Что мы не люди? Давай уж либо сейчас, либо вечером.

– Вы мне конкретно скажите. Мне ж людей напрягать надо. Рыбалка – дело серьезное. А хорошая рыбалка – очень серьезное.

– А вот как все соберутся, так и договоримся.

– Заметано. Тогда я на пробежку. Кто со мной?

– Вон, Джека возьми. Он с цепи сегодня ночью сорвался. Не сидится кобелю. Вот и пробежитесь в охотку. Два кобеля – уже пара.

Гулькина проводили злорадным хохотом. Странная дружба связывала эту компанию...

Все собрались к половине десятого. Румяная ухватистая горничная принесла самовар, блюдо с пирогами и расстегаями, заветный графинчик.

– Кому кашки? – спросила распевно. – Сегодня перловочка – пальчики оближешь.

– Давай я лучше тебя оближу, – ухватил девицу за роскошное бедро Санек. – На кой мне твоя кашка?

– Ой, скажете тоже! – прыснула горничная, довольная вниманием гостя. – Не положено персонал облизывать! Маруся Михална заругает.

– А мы и ее, того... оближем...

– Скажете тоже! Так она и далась!

– Кончай, Санек, шашни! – проворчал Ерофей Игоревич. – Нашел тут секс-бомбу, понимаешь. Ну, чё рот разинула? Не обломится тебе, поняла? Брысь отсюда! И кашу принеси!

Горничную ветром сдуло.

Прислуга на заимке Рака была вышколена по высшему классу. Правда, новая горничная работала всего два дня, но распоряжения понимала с полуслова. Остальное, что называется, приложится. А что горячая, так и тут имелись свои плюсы – не каждый раз девок с собой привозить. Вот и сгодится на худой конец...

Рак посмотрел девице вслед. А ничего, аппетитная. Значит, и не на худой тоже...

Они собирались вместе частенько. Сильные губернского мира, своей честной компанией становились еще сильнее. У каждого – теплое местечко и неограниченные в крае возможности. За каждым – крепкое плечо, мохнатая рука, зоркий глаз и прочие составляющие неограниченных возможностей в масштабе уже федерации. По меньшей мере. Если уж совсем припечет, можно распространить эти самые возможности и на континент. Да что там континент!

Возьми хотя бы Мотькиного тестя – одних плантаций в Аргентине хватит, чтобы перекрыть доступ воздуха любому недоброжелателю. От вонючего бомжа до президента какой угодно страны. И какой неудобно – тоже.

За известным бабником Саньком – российская мафия. Ну, если и не вся пока, то при желании будет. Он, правда, держит это в строгом секрете, но какие могут быть секреты от представителя Президента?

Ерофей довольно хмыкнул и потянулся за графином:

– Ну что, накатим по маленькой?

Никто не сопротивлялся. Да и с чего бы? Предпочтения (как и слабости) сидящих за столом были хорошо известны. Да и со взаимностью в их стройных рядах все было в порядке.

Ребята чокнулись и занялись пирожками. Сегодня Маруся постаралась на славу – тесто таяло во рту, стремясь поскорее порадовать желудки гостей. Начинки источали волшебные ароматы – визига, ливер, парная оленина с черемшой, капуста с грибочками, судачок... М-м-м... пальчики не то что оближешь, проглотишь!

– Ну, Игоревич, удружил! Рай земной! И как тебе это удастся?

– И правда, рай! Что заимка, что банька, что девочки!

– А повариха! Такие и в раю наперечет!

– А у нас рай особый! Сюда не всякого праведника впускают – только избранных!

– А на воротах Светлов личных ключников держит!

– С полосатыми ключами наперевес...

Тишину летнего утра разорвал очередной взрыв грубого мужского хохота.

– Мужики – чего с них взять, – пожал плечами Маруся Михайловна, ошипывая на заднем дворе гуся. На обед повариха готовила свое фирменное блюдо. Впрочем, для таких клиентов всегда подавались самые лучшие блюда. Остальное только для Любани с Прохорычем годилось. Но это когда гости уедут. А пока... пока все только самое-самое, многократно отведанное и одобренное. Вон, Ерофей Игоревич и менюшечку составил. Самолично!

И к лучшему – чего голову сомнениями забивать – то приготовить или это. Читай себе да поворачивайся, чтобы ко времени успеть. В принципе, Марусе Михайловне здесь нравилось. Тепло, просторно, тихо, по большей части. А за такую зарплату не то, что бабский визг по ночам, ей и взрывы пушечные не мешают. Переживет!

К чему канитель, когда два внука в Москве высшее образование получают, а младшая дочка опять принцессой на бобах осталась. Только и успевай поворачиваться!

Любана, напротив, поворачиваться не торопилась. Похоже, гостям нравилась именно ее неторопливость и некоторая томность. Последняя имела напускной характер. Надо же хоть чем-то от продажных девок отличаться, в конце концов!

Не то чтобы Любаша брезговала освоить роль девочки по вызову, просто строила далеко идущие планы. И собиралась захомутать какого-нибудь папашку конкретно, до колечка на пальце и квартирки в тихом центре. Можно, конечно, и о наследнике подумать, чтоб уж наверняка. Но не в лоб же этому папику наследником тыкать! Для начала стоило наживку пособлазнительнее подобрать, да крючок покрепче. А там...

– Ты мне лучше расскажи, на кого тут поставить можно, – допрашивала она Прохорыча, местного истопника, сторожа, егеря и садовника в одном лице. – Ну, не скупись, ты же всех давно знаешь. Вон который сезон на Ерофея пашешь!

– Оттого и пашу, что нос никуда не сую. И другим не советую, – шептал в ответ Прохорыч, категорически не желая оказать нахалке содействие. – Сидела бы ты в своей коморке и сопела в две дырки. Тебя чего сюда взяли – женихов искать или мусор выносить? Вот и выноси на здоровье!

– А еще говорят – ты добрый! – сморщила вздернутый носик Любана. – А бедной девушке помочь не желаешь! А вдруг ошибусь – ведь попрут, как пить дать!

– И это еще легко отделаешься! Народ тут серьезный, могут и память отбить, и желание...

– Вот я и прошу тебя, как человека: расскажи, кто есть кто! Ну что тебе стоит?

Прохорыч вздохнул, поскреб подбородок с некоторым оттенком глубокомыслия:

– Ну, ладно, твоя взяла! Но я предупредил: нарываешься, девка!

– Я осторожненько...

– Слухай сюда: хозяина ты знаешь.

– Только имя. Да и то чудное – Ерофей – уж не старообрядческое ли. Игореви́ч – городом пахнет, стилистами всякими, интеллигентиками. И финал – Рак – умереть не встать – и откуда такие фамилии берутся? Не финал – полный финиш!

– Много бы понимала! Наш Ерофей – столичных кровей! Из самой Москвы-матушки! Представитель Президента – во как! По всей области! Даром, что рак – только вперед и ползает. Да какими темпами! К нему сам губернатор на поклон является. А уж про районных князьков и говорить нечего! Суровый мужик – нитки из начальников вьет... А что касемо заимки, то она на меня записана. Стало быть – и хозяин здесь я, усекла?

– Усекла, – кивнула Любана, – а что это за нитки?

– Обыкновенные. Или необыкновенные – какие хочет, такие и вьет – во как! И деньжищ у ево не меряно – одна заимка целой нашей деревни стоит. Хучь и моя, кхм... Но стоит! Со всеми бабами и мужиками.

– Скажешь тоже!

– А и скажу: сама считай! Дом в три этажа с тремя маковками – лучшая лиственница на него пошла – это раз. Бассейн открытый с подогревом, чуть ли не сотка по площади – это два. Зимний сад опять же на сотку – одних пальм с бананами на мильен – это три. Участок в три гектара, кусок озера с горячим источником, баня с наворотами, винный погреб на тыщи три бутылей... Уж точно не самогон там хранится. Гараж с тремя снегоходами и прочей техникой. Яхта...

– Яхта? – ахнула. – Настоящая?

– Игрушечная! Мильена на три, как пить дать, тянет. И прочее, уже по мелочи...

– Живут же люди, – выдохнула девушка, прикладывая ладони к пунцовым от волнения щекам. – И сам еще ничего... лет под сорок – самое то...

– И думать не смей! У него жена в столице – красавица писаная. Ты ей и в подметки не годишься. Детки взрослые почти. Так он и клюнул на твои сельские прелести. Отдыхай, если жить хочешь.

– Ладно, проехали. А тот, молодой. Ну, красавчик писанный...

– Красавчика тебе лучше сразу забыть. Там жена – дочка российского миллиардера. Тронешь – на завтра трупом станешь! Да и ни к чему эту пустышку трогать. Мотька, хоть и красавец, а гнилой насквозь. Ни тебе денег, ни образования. Одна рожа да пиписька. И на что нынче бабы клюют? Пустышка, одним словом!

Сам Мотька из местных. Матвеев – в области фамилия известная. Дед у них генералом был. Отец до полковника дослужился. Братья Мотькины тоже при чинах. А этот еле школу окончил. То с наркошами его застукали, то с политическими. Словом, тянет парня в самое

что ни на есть д... Уж как его жонка-то не держит, как не трясет – все одно – то в полицию попадет, то в прессу.

За душой – пузыри мыльные. Чистый дармоед. Только и знает – то в бордель, то в казино. И чего такая баба его при себе до сих пор держит – ума не приложу.

– Любит, – вздохнула Любана, рассматривая в щель жалюзи рокового красавца Матвея. – Да и как такого не любить...

– Я ж говорю: халявщик. За семь лет даже ребенка не выстругал...

– Все равно приятно, чтобы такой просто рядом был. Так бы смотрела и смотрела. Да ладно! А что этот седой? Тоже хорош. Староват, правда...

– Скорей, ты для него старовата. Это наш известный режиссер, Родин Роберт Никитович, собственной, как говорят, персоной. Лет пятьдесят, но молодится до сорока с небольшим. Считает себя великим. Женится исключительно на приммах.

– А это что еще за зверь?

– Темная ты, Любана, девица! Прима – это не зверь, это самая лучшая в театре артистка. Вот наш мальчик их и коллекционирует. Однако сменяются те примы часто. Теперешний брак у Родина пятый. И, похоже, не последний.

– С чего ты взял? А может...

– Не может... Я между делом газетки-то местные просматриваю. И, судя по набору нынешних дебютанток, скоро теперешней приме конец. Ядреные девки. И шибко талантливые. Так критики пишут. Я только узелок на память завязываю. Мало ли что, люблю быть в курсе.

– И кому потом этот курс выкладываешь? Марусе, что ли? Или Джеку? Эрудит...

– О! И в твоей буйной головушке кой чего из школы осталось. Да и у меня среднее специальное за душой – родители не зря в город отправляли. Один из всей семьи образованный оказался. Даже говор у меня почти что городской – братьев до сих пор завидки берут. Кому, спрашиваешь? А хоть Марусе. Что мы не люди? Балакаем на досуге. Или вот тебе...

– И то, правда. Значит, любит, говоришь, режиссер артисток...

– Не только. Думаю, что самая главная любовь у него – это власть. И слава. Вернее, известность. Пьесы сам пишет. Обожает интервью давать. И отборы всякие производить. Кастинги теперь называются, слыхала?

– Не в лесу живем, – отмахнулась Любана, присматриваясь к Родину.

– Ну и хорошо, что не в лесу. Хотя тут кругом километров на триста одни леса и есть. Так о чем это я? Ах да, о любви... Имеет Роберт Никитович от этих просмотров и деньги, и известность, и самих красавиц. Уж эти-то за ценой не постоят! Так и живет – день в газете, день в журнале, день на телевидении. Плюс главные роли в своих спектаклях. Играет, в общем...

– Как бы не заигрался, – процедила сквозь зубы Любана, с некоторым сожалением отклоняя кандидатуру. – А рыжий этот? Вроде тоже ничего себе...

– Гулькин-то? Жид сопатый! Даром что Иван Иванович – всех купит и продаст. Только цену хорошую предложи!

– Какой же он еврей? Гулькин. Да еще Иван Иванович...

– Я не сказал: еврей. Я сказал: жид. Чувствуешь разницу? Да куда тебе! Жид – это не национальность, не большой нос и даже не пейсики. Это сущность человеческая. Понимаешь? Сущность! Наш Гулькин из любого дела пользу вынесет. И вступает в него лишь из-за пользы. Если есть, что урвать. А так – в упор не замечает. Раньше колхозом командовал. А потом в рыбнадзор перебрался. Простым инспектором! Прикинь?

– Во дурень! Из начальников в холуи! Не, мне такого не надо!

– И правильно, что не надо. Он ко всему нервный очень. Хоть и скрывает старательно. А по поводу дурня... тут ты поспешила. Что такое колхоз в девяностые? Орава пьяниц и полнейший раздраз! Ни денег, ни перспектив. А ответственности... Да, можно кой-чего перехва-

тить по мелочи. Но все равно в минусах останешься. Начальству дай, налоговикам дай, ментам, чтобы какой-никакой порядок обеспечивали, тоже дай...

А в рыбнадзоре мелкой рыбешке затеряться – и плевать не надо, схоронись за начальство и – всем привет! Зато деньги косяком прут. Только успевай отгребать! Иванова с поличным ухватил – выбирай: то ли премию от начальства получить, то ли откупные с браконьера взять, то ли натурой. И ведь со всех сторон выигрываешь!

Некоторые начинали с последнего. Но Гулькин знал, что делал. Выслуживался сначала, как мог. К концу второго сезона уже районным отделом руководил. А там уж и до области – рукой подать.

– А как же деньги?

– А что деньги? С ними как раз все складывалось отлично. И от начальства премия. И от подчиненных. Работа у них такая – делиться.

Короче, попал Гулькин в нужное течение. Местечко тепленькое – это тебе не по водам в любую погоду мотаться. Или под крепкий кулак подставляться. Или там под пулю шальную. Сиди себе в кресле, стриги купоны. Напоминай о себе, ежели позабыли. Да для начальства клев аккуратный организуй. В общем, лет за пять развернулся стратег. Два коттеджа, сыновья в Англии учатся. Дом там, поговаривают, им куплен. И себя не обижает. С новой женой каждый год по Мальдивам и Таиландам катается.

– А девочек? Я бы на его месте девочек по Таиландам катала, а не жену. Тоже мне развлекуха – со старухой по морям болтаться!

– Девочек? Не тот профиль! Это он у нас гоголем ходит. А дома, говорят, Гулькин за жену держится. Может, любит сильно. Но, скорее всего, выгоду какую-то имеет. Так что здесь тебе не светит, малютка. Даже не мечтай!

– Офигеть! Куча мужиков, а выбрать нечего! Я что зазря сюда нанималась? Нетушки! Давай дальше! Кто там остался? Гаишник, что ли? А почему бы и не гаишник? Слыхала, денег и у них куры не клюют! Опять же при погонах...

– Боюсь, не в тот огород ты камень бросила, – криво усмехнулся Прохорыч, – не в его вкусе бабские сиськи. Этому гусю ни одна баба не подошла. Может, с ориентацией там напутано, а может, со здоровьем проблемы.

– На вид здоров как бык. Может, однолюб? Не женат, говоришь? Стоит попробовать... Зовут-то как?

– Нормально зовут. Светлов Николай Павлович. Полковник. Дом на Солнечной Горке, мерседес высшего класса, катер на воздушной подушке. Больше не знаю. Но носом чую: не обломится тебе в том саду-палисаднике ни веточки. Помяни мое слово...

– Возьмем на заметку. И продолжим. Олег Олегович, помощник мэра, как тебе?

– Ничего мужик. Деловой. Сорок пять. Женат один раз. Детей, насколько знаю, нет. Занимается в мэрии спортом и туризмом. Правая рука у шефа. Многостаночник – корпоративчик организовать, гостей встретить и проводить, командировочку состряпать за рубеж за счет городской казны. Нужный всем человек.

– Упакован?

– Как все – дом, дача, что-то там еще.

– Не принц, но как вариант может и подойти, – вздохнула с заметным оттенком разочарования Любана. – Идем дальше. А что Санек этот, полная пустышка?

– Не скажи... даром, что бабник! Самый из компании серьезный. На губернаторское кресло метит. И ведь усядется, коли не остановят вовремя. Да такого и остановить у нас некому. Ухватистый. Не боится ничего. Всю подноготную дружков-приятелей, как свою собственную знает. Ему палец в рот не клади – не то что откусит, засосет вместе с приложениями. А назавтра высидит в кусты. И поминай, как звали!

– Ничего себе...

– Не то слово! За ним, по слухам, криминальщики сибирские стоят.

– Крышуют? Подумаешь...

– Бери выше! Похоже, деньги в него свои вкладывают. Глядишь, на губернский трон и вскочит. Через год как раз выборы. А то и без них обойдется. Губернское хозяйство давно к рукам прибрал. Управляющий делами. Слыхала? То-то же!

– Может, с него и начать?

– Во-во! Как начнешь, так и кончишь! Разве что в содержанки возьмет. На год-другой.

– Ну это мы еще посмотрим...

– И смотреть нечего! А кочевряжиться будешь – уберет. Ему только шепнуть в трубку – и нет человека. С такими-то связями... Так что, не резон тебе, девка, на этих петухов губы раскатывать. Ехала бы в город, пока молодая. С твоими данными можно рассчитывать на какого-нибудь заведомо или директора свечного заводика. По Сеньке и шапка... И запомни: я тебе ничего не говорил, ты ничего не спрашивала. Особенно по поводу Саныча. Темная личность. Никто ничего конкретного о нем не знает.

– А ты откуда? Ну, про мафию и прочее...

– От верблюда! Сам придумал! Пораскинул мозгами. Да, видать, мозги у меня вместе с крышей сносит постепенно, раз девке такого намолот. Все: поговорили и забыли. Усвоила? То-то же. Ну их к лешему!

Прохорыч прокашлялся и ушел к себе. А Любана снова присмотрелась к сидящим за столом. «Надо же – столько кобелей и все мимо! А не наплел ли старый хрыч какой напраслины? Чтобы лишних проблем с обслугой не возникало? С него станется! Сам-то тоже скользкий типчик! То по-книжному говорит, а то деревенские обороты вворачивает. Не иначе, мутит воду...»

– Ладно, поживем – увидим. Не завтра же мне замуж идти. Присмотримся, притремся, а там, глядишь... Мда, а Матвей красавчик, каких поискать! Жалко, что бессребреник, а то бы...

Девушка вздохнула и взялась за прерванную работу. Мимоходом посмотрелась в зеркало – а ведь хороша! Высший класс! Какие там заведомо и директора? Нам королей хочется!

– И не сошелся клином свет на этих бармалей! Новые приедут! На заимке что ни неделя – гости! Терпение, Любана, терпение!

– Так чё, пацаны, в натуре, с чего начнем? – заерзал на своем месте Санек.

– А тебе типа нейдет, – ухмыльнулся в его сторону Ерофей. – Кушай вон пирожки и сиди тихо. После завтрака программу составим...

– Да какая тут программа? Банька, шашлычок, девочки...

– И как тебе не надоест? Днем девочки, ночью девочки, утром опять девочки... Аж тошнит! Женился бы опять, что ли! Давай я тебе бабу подберу, чтоб на все хотелки хватало. А хошь, африканочку выпишу?

– Да ну тебя, Ерофей! Уж и помечтать нельзя. Да и женат я... кажется.

– Да что там жена – тут гарем нужен!

– Знаем мы твои мечты, – подмигнул приятелю Светлов.

– И твои тоже, – парировал Жук. – Шалишь, противный...

Полковник побледнел, подавился пирожком. Побагровел, закашлялся, выскочил из-за стола...

– Эй, братан, ты своих не трогай – близких за святых почитать нужно, – остановил соседа Иван Гулькин. – Кто из нас не без греха. А Палыч – мужик правильный, можешь не сомневаться. И за козла может ответить. Да так, что никакая крыша не спасет.

И, обернувшись к Светлову, постучал тому по спине:

– Не дергайся, Коля! На дураков только дураки обижаются. Пошутил он. Понимаешь? По-шу-тил!

– Ну и... шутки у тебя, жучара! – прорычал Николай Павлович. – С огнем играешь...

– Ты, между прочим, первый начал, – Жук дурашливо поднял обе руки вверх. – Все! Сдаюсь! Прошу прощения! Миру-мир, согласен?

– Иди ты куда подальше.

– А теперь перейдем к голосованию! – председательствующий постучал ножом по графинчику. – Итак, кто за рыбалку?

– Только вечером! – вставил три копейки Сапун.

– А лучше бы ночью, – добавил Мотя, – на вечер пульку бы уговорили...

– Кому что, а лысому бантик! – хмыкнул Светлов. – Денег-то тебе на пульку выделили? Или опять в долг играть станешь?

– В общем, рыбачим вечером, – подвел итоги дискуссии Ерофей Игоревич. – Осталось определиться с дневной программой. Принимаются только оригинальные предложения! Не более двух от участника!

– Почему не более двух? – удивился Гулькин.

– Я бы сказал, креативные, – тормознул Родин.

– А не пошли бы вы все! – сплюнул в чашку Санек.

Странные между приятелями складывались отношения. Говорили и не слышали. Заедали друг друга, не стесняясь. Кололи не в бровь, а в глаз. Впрочем, успели к тому привыкнуть. Да и иных приятелей в ближайшей перспективе не значилось. Так, мелкие сошки. А хотелось играть на равных. Они и играли...

Кто везет, на том и ездят

Март 2009, город Н*

– Свободен?

– Есть такое дело.

– Тогда, поехали! – Михай закинул на заднее сиденье современную сумку и уселся рядом с водителем. – Воронцовский, 21.

– Кучеряво живете! – водитель окинул цепким взглядом пассажира, заценив и стильную сумку, и лайковый пиджак, и туфли от какого-то там кутюра.

– А то!

Можно расслабиться. Михай знал толк в пускании пыли в глаза. Теперь кто бы ни спросил, водила с точностью до лейбла опишет и сумку, и прикид. Зато примет самого пассажира толком не запомнит. Разве что место высадки. Ну-ну... от Воронцовского до родных пенатов – рукой подать. Через дворы минут за семь можно управиться.

Впрочем, все эти шпионские штучки-дрючки можно было оставить на время. Михай давно в органах не служит, птица почти свободного полета. Да и в отпуск ушел. Получил возможность вернуться домой. Впервые за пять лет.

Так что полгода никаких секретных заморочек: помогать маме по дому, копать грядки на даче, рыбачить. И все такое прочее. Хотя, если быть предельно откровенным, на рыбалке его отпускные фантазии пока и заканчивались. Потерял представление об отдыхе. Благо, что не напрочь...

Михай с интересом посматривал в окно, лениво перебрасываясь с таксистом ничего не значащими фразами – запутывал беднягу дальше – служебная привычка, куда деваться. А город здорово изменился! Сколько он здесь толком не был? Лет десять? Пожалуй, так...

Аналитик деловой разведки международного класса, в советском прошлом обэповец, Михаил Матвеев за последние пять лет бывал на родине короткими, на день-два, наездами. Мама навещалась к нему в Мюнхен по срочным телеграммам. Два раза по неделе виделась с сыном на ближних морских курортах – Михею хоть так удавалось вытащить ее с любимых грядок. А ведь могли бы жить как нормальные люди!

Его зарплаты, не считая умопомрачительных для бывшего майора командировочных, вполне бы хватило и на Канары, и на недостижимые прежде Эмираты. И даже на предрождественский шопинг в модных бутиках Италии.

Однако Нонна Трофимовна предпочитала существовать на скромную пенсию заслуженного медработника, доводить до совершенства дачный участок и ждать сына в родительском доме.

Так и жили. Если не считать двух свадеб и двух же разводов. А также рождения единственного внука. И отъезда пятилетнего Егорюшки на ПМЖ в далекую Америку. Терпения первой супруге, незабвенной Нюте, хватило на два года без права переписки. А потом красавица балерина (нравились тогдашнему старлею худосочные барышни!) упорхнула к штатовскому продюсеру. И сына с собой забрала.

– Мог бы свои связи подключить! – рыдала от нерастраченной любви молодая бабушка.

Мог бы, кто спорит? А потом что? Михаил дома годами не бывал, а мальчишке не бабушкины блины-вздохи, настоящие родители нужны. Потому и отпустил. Разве что свидания – раз в полгода – вытребовал. И на том спасибо.

Нюта слово держала, несмотря на то, что виделся Егорка большей частью с любимой и единственной бабушкой. Да, умная попалась Михею женщина. Жаль, не удержал...

О втором браке он вообще старался не вспоминать. Хотя жила его пассия в том самом Воронцовском переулке. И училась с ним в одном классе. Это прекрасное, в некоторых отношениях, недоразумение звалось Ангелиной. И охмутило свою школьную любовь на четвертом десятке. Просто под руку в неурочное время попало.

Полавирировав между припадками ревности и страсти пять лет (лишь месяцев пять из них – благодарение Богу – в очном порядке), Михаил наконец связи подключил и вымучил развод.

– Хоть бы внучонка мне твоя прелестница подарила, – облегченно-мученически вздыхала Нонна Трофимовна последующие за разводом лет пять. На том и успокоилась. Деваться-то все равно некуда – любимый сын реже ясного солнышка в зимнюю пору является – какие уж тут внуки.

– Вот уйдешь на пенсию, – мечтала она, – а ведь уйдешь когда-нибудь, тогда и родишь мне с пяток. Девочек бы побольше, от пацанят какой прок? Вон, Егорка, как подросток, так и носа не кажет. Бизнесмен – как же! Как же! – америкенский! А девочки всегда рядом будут. У бабки под боком... Хотя в моем положении выбирать особенно не приходится. Тут хоть дожидаться бы кого...

Михаил не спорил – против паровоза на велосипеде не попрешь. Но и не соглашался. Во-первых, Егор оказался образцово-показательным внуком. Навещал бабушку не реже недели в сезон. Подарки привозил. К себе в штаты приглашал. Правда, Нонна Трофимовна перелета через океан страшилась до умопомрачения, потому от предложений категорически отказывалась.

А во-вторых, по поводу рождения внуков на пенсии... по облакам пером гусиным писано. И уж точно не им. Конечно, Матвеев мужчина видный. Но потрепанный основательно. Одних пулевых ранений насчитывалось на его теле более пяти. И все в жизненно важные органы! А уж всяких там колото-резаных, ломаных, отбитых не перечесать. Что и говорить, буйной выдалась молодость! При такой службе иной и не бывает... разве что убьют раньше срока.

Да и за границей жизнь ценного специалиста больше походила на затянувшуюся командировку – так что постоянных связей у Михея на данный момент не имелось и как-то не предвиделось. В общем, с внуками пока не складывалось.

Зато с работой дела обстояли отлично. Матвеева ценили и берегли. Он числился в штатах нескольких серьезных агентств, которые прочили аналитику должности в своем руководстве.

– Везунчик! Завидую, ловко ты на международный уровень вышел, – не раз повторял при встречах его бывший шеф, генерал Востриков. – Скажи спасибо докторам из ВМК. По собственному-то тебя никто бы не отпустил. А так цивилизно получилось: не годен к строевой. Плюс конкретная вишенка на торте – бац, и развалился наш Союз. Со всеми своими ведомствами. А пока народ перестраивался, тебя наши бывшие враги-капиталисты скоренько в оборотец взяли. Еще бы – с таким-то багажом ОБЭПовским! Попал, что называется, в правильную струю!

– Скажешь тоже, батя, взяли, – улыбался в ответ везунчик, – пришлось по поводу промоушена поднапрячься...

– Ну и хорошо, что быстро со своим промоушеном управился, – генерал многозначительно поднимал глаза к потолку, – пока там не успели к рукам прибрать. А ведь собирались...

– Ну не мог я ждать, ведь предложение уж больно заманчивое попало. И потом, не факт, что тамошние, – Матвеев кивнул в том же направлении, – варианты мне бы подошли. Сокращение фирмы нашей прилично коснулось. Приходилось выбирать, а я в категории несогласованных следов числился. Таких в первую очередь сокращают...

– Сокращали. Поначалу. А когда досокращались, пришлось ошибки признавать. Вот время и упустили... Реанимируемся теперь с трудом, а что делать. Обратно не предлагаю, сам понимаешь...

– Понимаю. А вы четко просекли все. Мне ж тогда и посоветовали: «Не тяни, снимут ограничения с тебя – дуй за кордон. Спеца твоего класса там не то, что с руками – с печенками оторвут». Ну я и рванул из-под этого отцовского пенделя. За что до сих пор благодарен.

– А теперь что, неужели на полгода отпустили? Живешь, брат!

– Ага. Так что я руки в ноги и сразу в рай. У нас же святое место конкретно обозначено: подальше от начальства и поближе к кухне. К маме под бочок – что может быть лучше! Хотя и побаиваюсь, что от безделья сдурею...

– От безделья, – покачала головой генерал, – это вряд ли. Или я тебя не знаю? Да через неделю найдешь на свою пятую точку приключение. Я же и подскажу, где искать. А нет, так старые дружки помогут. Так что не форсируй свои эротические фантазии, скука дома тебе точно не грозит...

Да он и не форсировал. Знал, что из шести предложенных благодетелями свободных месяцев не менее половины придется выполнять их же мелкие поручения. Систему, почтовый ящик, счет банковский кому-нибудь взломать, адресок анонима вычислить, действия агентов спрогнозировать – это ему на полплевка. Разведка, пусть и официально обозначенная как деловая, катаклизмам всевозможным весьма подвержена, тут ситуации из-под контроля выпускать ни на день нельзя.

А отдохнуть... и отдохнуть бы не помешало. Ремонт дома сделать, пока мама на даче урожай до ума доводит, на курорт скататься, а то и к брату в тайгу... А если повезет, то и романчик с горячей сибирячкой закрутить, что мы не люди? С вполне серьезными намерениями.

Нет, о браке речи не шло – маловато времени. А вот ребеночка завести – в самый раз. Нынче для этого штамп в паспорте совсем не обязателен. И границы не помеха. Было бы, как говорится, желание. Желание, в принципе, было. Матвеев детей любил. И был-таки не прочь подарить маме внука. А лучше внучку... или двух.

Найти подходящую женщину не составит проблем – в их городе, далеко и ходить не надо, каждая вторая красавица. И каждая вторая – одиночка.

Остается лишь глазом моргнуть. Слово доброе молвить. Руку протянуть – или что там протягивать принято? Ну, может, еще на курорт вывезти – одному, пожалуй, скучновато будет на пляже полеживать. Словом, сплошные плюсы... Пожалуй, с романа и начинать следует...

* * *

– Здесь, что ли?

– Здесь. Спасибо, брат! С ветерком довез! – Михаил протянул таксисту купюру и выбрался из машины. – До встречи!

– Карточку возьми, чуть что – домчу на первой космической!

Михаил визитку сунул в задний карман джинсов, вытащил сумку и направился к ближайшему зданию. Пускай думает человек, что доставил по нужному адресу.

Наконец такси скрылось за поворотом. А недавний пассажир закурил и свернул в проходной двор. Через семь минут он уже заходил в подъезд родного дома. Отпуск начинался без приключений.

Отдыхать аналитику Михаилу (для друзей и родных – Михею) Матвееву предстояло ровно сто восемьдесят дней, половину из которых он успел уже распланировать в плане лично-семейного благополучия.

– А вот так возьмем и замутим с первой встречной! Чего тут думать, в родном городе все девушки хороши!

– Здравсти! – соседняя дверь отворилась со скрипом.

– И вам того же! – ответил Михай, ковыряясь с замком.

Краем глаза отметил подробности явления: сутулые поникшие плечи, идиотский, низко надвинутый платок, не менее идиотские очки, сжатые в струну губы... «Да уж, а подумал было, что судьба прямо у порога его ждала. Какое там! Тетка лет под шестьдесят. Растекшаяся, бесформенная, потерявшая всякий интерес к жизни. Не наш вариант!»

– Молодой человек...

«Еще и пристаёт! Тьфу-тьфу-тьфу... Вот тебе и первая встреча. Не хватало еще геронтофилом заделаться! Ничего себе начало!»

– Я не об этом...

«Она что мысли читает? Не иначе, ведьма!»

– Вы дверь-то не ломайте! Мама ваша еще в прошлом году замок поменяла. Вот ключ...

– Простите, я как-то сразу не врубился.

– Да нет, все нормально. Я привыкла уже...

Тетка криво улыбнулась, мягко отодвинула соседа в сторону и всунула ключ в замочную скважину. Нажала, повернула вправо, потом влево. Распахнула дверь.

– И все дела! Запомнили? А меня тетей Леной зовут, а кое-кто и бабой Леной. Чуть что – обращайтесь!

– Михай! – запоздало представился Матвеев.

– Да знаю я! Завтрак, может, приготовить? Не удивляйтесь, я у вашей мамы в помощниках. То квартиру прибрать, то в магазин сходить, то белье... Приходится крутиться... Время нынче непростое...

– Спасибо. Пока не надо. Но буду иметь в виду. Маменька-то, когда на дачу укатила?

– Да уж недели полторы как. Заядлая дачница. Ну, не буду Вам мешать. Суп сварю. Или щи лучше? А может, борщ? Только не отказывайтесь, Нонна Трофимовна с меня обещание взяла: без горячего сына не отпустить.

– Но...

– Думаете, я ведьма? Ошибаетесь: дней десять назад Нонне Трофимовне какой-то важный чин из-за границы звонил. Предупреждал, что вы будете к концу месяца...

«Ай да шефы у меня! Кругом успевают! Прямо гиперопека какая-то!»

Михай вошел в квартиру, бросил сумку на пол, разулся, пошлепал по коридору в свою комнату. Знакомые обои, привычные картины на стене, смешной писающий мальчик из алюминия на дверях соответствующего помещения. Знакомые звуки, запахи... лаванда, мирт – вон они, родимые, выстроились в ряд, как солдаты на параде – любимые мамины цветы... Всюду чисто и свежо – старательная помощница у маменьки нарисовалась. Как там ее? Баба Лена... И все-таки удивительная женщина. Бабой не назовешь, язык не поворачивается. Пусть будет тетя. А лучше – по отчеству. Надо узнать...

Да, странная соседка... Глаза что рентген, нос по ветру. Интуиция – выше всяких похвал. Такую бы к нам в агентство! Он бы и сам от помощницы не отказался! И ведь никому и в голову не придет, что...

Впрочем, Бог с ней! Жизни пора радоваться!

– Ну, здравствуй, дом! Можешь себе представить, я соскучился! Не составишь компанию? Вдвоем и скучается приятней. Планирую дней пять поскучать. Сразу после визита к маменьке. Ты не против? Ловлю на слове!

Прав был Востриков, долго скучать не пришлось. После трехдневных бдений на даче и начала внепланового ремонта последовал звонок от одного из партнеров:

– Михай, есть дело. Правда, не мое. Но отказа не терпит.

– Мне ж полгода покоя обещали...

– А никто твоего покоя не отнимает. Отдыхай. А вопросы будешь решать параллельно. Тут такое дело...

И передал коллеге поручение от двоюродного дядюшки. Тот, видимо, решил подстраховаться, действуя через работодателей племянника. В который раз мир удивил Михея своей невероятной теснотой. Суть поручения заключалась в следующем...

Дядюшка, генерал Матвеев, имел другого племянника. Троюродного или даже четвероюродного (в родственных связях кто угодно мозги вывернет) Михеева брата. Матвея. Мальчик, что называется, не в их породу пошел. В династии потомственных военных таких еще не случалось. Бестолков и порочен оказался сверх всякой меры.

Неудавшегося отпрыска из школы настоятельно попросили убрать еще в восьмом классе. Всем миром пытались пристроить в кадетское или суворовское училище. Попытка оказалась пыткой.

– Патологически гражданский тип, – резюмировал третий по счету (с первыми двумя договориться не удалось) начальник училища, – его бы лучше в монастырь. Или замуж...

Посчитали рекомендацию шуткой. Засунули для начала в колледж. Затем в ПТУ. И только потом осознали прозорливость суворовского начальника.

– Только не в монастырь! – рыдала безутешная мамаша, откупившись от срока в местах не столь отдаленных единственной дачей. – Я не переживу!

А тут и замужество подвернулось, вернее, женитьба. Хотя...

Рос Мотя писаным красавцем. Бабы, женщины и просто девицы при виде мужественной красоты и так многообещающей стати млели, а очнувшись, шли на абордаж. Парень особо не сопротивлялся. Принимал, так сказать, милости от природы. Мимоходом. Сегодня – здесь, завтра – в другом месте. Ничего не обещал, ни о чем не просил. А чего просить, если любое желание предупреждалось на этапе появления? Словом, набирался опыта. Чтобы однажды сразить судьбу наповал.

И набрался. И сразил. Сразу – и наповал. Первую подвернувшуюся под руку богатую наследницу. У избранницы имелся единственный, но весьма существенный недостаток. Живой и вполне себе невредимый папаша-бизнесмен. Прозорливый такой предок. И недоверчивый.

Так что с недавних пор каждый шаг Матвея становился ему известен. И оценивался по достоинству. В рамках самим же бизнесменом составленного прейскуранта. Как-то: автоавария – неделя без донорского вмешательства, вечер в казино – отсрочка спонсорской помощи на три недели, измена – месяц на своих харчах... И далее в том же духе.

Мотя попытался было возмутиться, когда месяц пришлось жить чуть ли не на хлебе и воде. Диана не выдержала первой:

– Мотичка, котичка, давай не будем? Бесполезно! Папуля привык на своем стоять. Насмерть! Не убивать же кормильца...

Он бы убил, да кто позволит! Одних телохранителей у тестя насчитывалось около роты. Приходилось терпеть. И скрывать многочисленные, с точки зрения тестя, пороки. Тот, правда, не особенно придирался. Дочку жалел. Где мог, прикрывал зятя. Где не мог или не хотел, наслаждался наблюдением со стороны. В классике жанра – спасение утопающих, и далее по тексту... Ждал, наверное, логического конца, коль уговорить собственное детище от фатального шага не удалось.

На этот раз увяз Мотя, похоже, капитально. Раз о родственниках вспомнил.

Братья почти не общались. Михей лет на пять старше. Да и в воспитании, образе жизни мальчишек с детства разделяла пропасть. Разве что на семейных событиях чрезвычайной важности их сажали вместе. Да и там, кроме как подай и спасибо, мало чего было сказано.

– Теперь, значит, о дядюшке вспомнил. Ну а я с какого боку? К российской полиции давно отношения не имею, – попытался оказать сопротивление Михей.

– Тут такое дело, похоже, заказали братца твоего. Серьезные люди заказали. Потому как местная братва только руками разводит. Хотя у нее на это дело все лицензии в крае выписываются. К тестю не обращается – не знает, откуда ветер дует. Мало ли грешков за ним числится, а вдруг не тот, о котором с тестем можно говорить. Тут вроде как зачистка идет конкретная. По верхам губернским. Мотя сам по себе – невесть какая макушка, но связями оброс. Вполне могут задеть в перестрелке.

– Мне что, следствие начинать? Так противозаконно это...

– Заладил со своим следствием! Ты по своей нынешней специальности услугу окажи. Информацию подбери. Обработай. Откуда ветер может дуть? Я, чего нарыл, на почту «тетушке Чарли» отправил. Чтобы сократить твое драгоценное время. Будешь готов, с Борисиком побалакай. Он теперь в угро местном тусуется. Корешка-то помнишь?

– Куда там! Обширный склероз второй стадии...

– Тьфу на тебя! Чуть что – звони... И не пыхти там, знаю ведь, что без работы и недели не выдержишь! Вот, подбросил головоломочку... Живи и радуйся, склеротик!

– И Вам не скучать.

Борисик... Михей знал того еще курсантом. Толковый малый. Вместе дважды работали в спарринге. И как работали! А потом судьба развела. Михея по Европе носило. А приятель в родном городе задержался.

В тогдашней их службе было не принято распространяться насчет актуальных званий, мест службы, заданий. Но ребятам молодежавый тогда еще подполковник Востриков сделал исключение:

– А вдруг помощь понадобится? Кого просить тогда, как не надежного друга. Да еще и с претензией на подвиги во имя совести и чести.

Будто в воду шеф глядел: Борисик к тридцати уже в Героях ходил. А потом пропал куда-то. Видно, для счастья совести с честью оказалось мало.

Теперь вот всплыл. В угро местном. Кто он там у нас по званию?

Михей потянулся за скромным с виду нетбуком, на потертой крышке которого едва заметно переливалось название фирмы «производителя». Антураж что называется, на живца. Такой комп и украсть никто не захочет. Тем более в углу комнаты стоит приличный двухъядерный «Intel Core». Кому ж догадаться, что за внешней непрезентабельностью машинки стоит мощнейший агрегат, собранный знакомым конструктором специально для европейских спецслужб и усовершенствованный тамошними умельцами.

И заставочка на рабочем столе исключительно для чайников – вертящиеся кубики-рубики. Кто в теремочке живет? Я – мышка-норушка, геймер-любитель с мухами в голове. Страшилки-стрелялки. Не влезай – убьет! В общем, скукотень. На простачка. Или наоборот.

Матвеев заглянул в почту. Алгоритм отработан до автоматизма. Сначала в личку. Вот она – чего тут мудрить – micheymatv@mail.ru – добро пожаловать всем, кому не лень! Что у нас тут? О, рассылки из мира компьютерных игр! Приглашение на вечер актива геймеров Берлина! Премия за лучший финал в игре «Темные силы-7». Молодцы, ребята из информационной службы, стараются! Надо бы ответить. Хотя на парочку воззваний.

Михей настучал нечто невразумительное. Отправил. Настучал еще. Побродил по паутине просто так, чайник он и в Африке не кофейник... Теперь можно и к делу.

Развернул второе окошко. Набрал адрес и пароль «тетушки Чарли». Есть контакт!

Ну-ка, что тут у нас? Бедная, бедная, старушка! Что там ее бразильские обезьяны, когда рядом служба рассылок. И ориентация уважаемой дамы становится понятной без лишних телодвижений.

движений: маленькие радости далеко не среднего возраста, новогодние блюда своими руками (афродизиаки всегда под рукой), удиви его – это просто, как стать сексуальной после шестидесяти, твоя вибра... тут у нормального хакера уши вмиг завянут. И никакой английский (а корреспонденция велась именно на нем) не поможет!

Михей ухмыльнулся – ничего себе легенду придумали ему добры молодцы из старой (спасибо Вострикову!) конторы – бабулька под семьдесят с ярко выраженной сексуальной озабоченностью. Только что зайти и выйти. Ну, разве что в порнотеку владелицы заглянуть.

– Хотя новой соседке вполне могло бы понравиться! Или не могло? А матушка – однозначно бы возмутилась. Недели на две. Или не возмутилась? Да шут их, баб этих, разберет! Идем дальше!

В почте тетушки Чарли за странными, большей частью двусмысленными, посланиями маскировались самые необходимые в работе программно-информационные материалы. К примеру, в переписке мадам с неким бароном за чередой вульгарных фраз и ссылок на порнографические сайты скрывались новейшие хакерские программы. За рассылками по возрастному фитнесу – адресные базы. За советами косметологических фирм – каналы спецслужб. И далее в том же формате – карты, каталоги, вирусы...

Последние восемь лет Михей занимался электронными шпионами. И обогнал конкурентов из западных (да и восточных) спецслужб лет на пять минимум. Не слишком ли смелое утверждение? Отчего же? Доказательства у Матвеева имелись вполне веские...

Тяжеловата, конечно, его артиллерия для банальностей губернского разлива. Но не заводить же новую на всякий непредвиденный случай. У дядюшки, как видно, не только руки длинные. Ко всему, на отпуск он сам отложил несколько висяков. Чтоб быть в курсе происходящих с фигурантами его дел событий, сориентироваться в которых можно было только с помощью этой навороченной крошки.

– Ну что, малютка, рванем? – Михей погладил ребро нетбука и в несколько секунд вышел на почту подполковника – дослужился-таки, парень! – Н*-ской полиции Борисика Бориса Борисовича, 1966 года рождения, русского, не состоящего в настоящее время в законном браке, заместителя начальника отдела...

Дальше читать не стал, захотелось просто поздороваться. Вписаться в проблему с ходу. Мол, мы уже здесь. Кто не спрятался – мы не виноваты. Раз-два-три-четыре...

До пяти сосчитать он не успел. В диалоговом окне на затаканном до дыр мейле появилось послание. «А товарищ наш даром времени не теряет! Ловок, однако! Не утратил, так сказать, навыков!»

– Привет, Михей! Какими судьбами? Ты в городе?

– Салют, амиго! Сегодня приехал. Помощь не нужна?

– Уже в курсах... Да, есть у нас вопросы... Завтра пришлю подборочку. А сегодня вечером ты мой!!!

«Вполне в духе “тетушки”», не пригласить ли на огонек? Впрочем, для общения имеется у нас парочка запасных адресов», – Матвей подмигнул Борисиковой аватарке и продолжил диалог:

– Шалишь, противный?

– Устоять порой просто невозможно. В восемь «Под ивами».

Однако! Три часа в городе, а уже зовут на свидание в самый крутой кабак! Если так дальше пойдет...

Однако торопиться Матвеев не стал. На макияже (вернее, его отсутствии) и причёске можно сэкономить кучу времени. Завтра на дачу. А там со связью никак. Значит, надо до «ив»

успеть закачать инфы дней на пять. Не пользоваться же услугами спутника-шпиона в избушке на курьих ножках! Да еще для личных целей! Воспитание не позволит...

Михей открыл письмо от божьего одуванчика под ником «Херувим», прошел положенную цепочку ссылок и остановился на нужном адресе. Вскоре «тетушкина» почта утяжелилась тремя амурными посланиями, содержащими подборку местной прессы за три последних года, выдержки из новостей радио и телевидения, обрывки проблемных диалогов с городских форумов, сводки ГАИ, фоторепортажи с громких событий с комментариями очевидцев...

По самым скромным прикидкам Михей не собирался скучать дней семь...

– А на большее ты не рассчитывай... – неплохо поставленным тенорком пропел он в сторону маменькиного портрета.

Не сидеть же месяц на фазенде! Да в такую погоду! И продолжил примерно в том же духе:

– Весна идет, весне дорогу...

Его разбудил странный запах. Приятный, вместе с тем, волнующий. А волноваться разведчики не любят. Значит, с пуховым одеялом пора прощаться. А о снах просто забыть.

– Сколько там натикало? Ох ты ж, мюнхенский бюргер!

– Проспали? А я не стала будить, видно, вчера вы поздно вернулись...

А это что еще за хрень! Кажется, он возвращался один. Или...

– Тупею, блин! И это уже с первого дня... непорядок...

«Нет, все оказалось в порядке. Он возвратился один. И не слишком пьяный. Даже одежду успел в шкафу пристроить. Вон, только рукав выглядывает. А что спал крепко, так это в порядке вещей – за долгие годы службы научился вписываться в любой режим с ходу. Теперь бы с незваной гостьей разобраться. И с посторонними запахами...»

Дойдя до кухни, Михей успел разложить по полочкам и эти заморочки. Тетя Лена пришла, молочка принесла... А оно ему надо?

Несостоявшаяся пассия преспокойно пекла оладьи на родительской кухне. Вот вам и волнующие запахи. Михей с детства мчался на их аромат в любое время дня и ночи. Их виртуозно исполняла бабушка. Маме Бог кулинарных способностей не дал... Сколько ж лет он не пробовал таких? Пятнадцать? Двадцать? А волнение не улеглось... Надо же...

Тетя Лена обернулась:

– Доброе утро! А я тут хозяйничаю... Простите, что рано, мне на работу потом... А Нонна Трофимовна убедительно просила готовить только домашнее...

Минуту назад Михей готовился дать отпор несанкционированному вмешательству во внутренние дела... и завтракать не собирался. Думал, по каникулярной курсантской привычке, в вокзальном буфете пирожков прикупить со всякими начинками и печенки жареной. Порадовать мамочку...

А тут... Он неловко поклонился соседке, буркнул что-то типа комплимента и полез в холодильник за сметаной. Устоять никак не получалось!

– А я вареньица принесла. Сливового. В самый раз к оладушкам...

«Она что, читает мысли на расстоянии? И не в первый раз, между прочим...»

Михей плеснул в миску варенья, с другой стороны – сметаны, стянул с горки дымящихся оладьей примерно половину и поспешил в гостиную. От греха подальше.

«Домработница-экстрасенс? А что, вполне возможно. Чего только в его жизни не случилось! Благо, что все служебные мысли он с вечера запер на амбарный замок – никакому экстрасенсу не достучаться. Надо будет узнать у маменьки, как давно эта красotka в родном доме хозяйничает?»

– А я тут уж два года живу, – послышалось из кухни. – Как переехала, так сразу сюда. Квартиру поменяла, так что мы теперь соседи...

«Блин! Она что, и сквозь стены умеет? Пора включать антирадар!»

Михей прожевал кусок, прокашлялся:

– Спасибо! Очень вкусно! Но остальное заберите с собой! Мне не осилить...

Когда вернулся на кухню, соседки и след простыл. На столе – контейнер с пирожками. Рядом – записка: «Отвезите маме. И привет передавайте. Счастливо! Тетя Лена».

Фантастика!

– Ты бы еще печеночки нажарила для полноты картины, – покачал головой Михей.

В углу контейнера обозначился пакет с чем-то подозрительно напоминающим жареную печенку.

– Ничего себе, может, священника пригласить перед ремонтом? Или жучков наставить? Чертовщина какая-то...

Сказал и забыл. Вычеркнул из памяти на некоторое время. Оставлял место для маминых слов и чувств, для умозаключений по Мотиному делу, для воспоминаний о совместной с Борисиком службе и планов на будущее. А с этой, как там ее, прорицательницей-мыслечитательницей, он позже разберется. Впереди – пять месяцев и двадцать девять дней. Хватит и на мамины фантазии, и на свои планы, и на чужие останется.

На дачу Матвеев выбрался в замечательном настроении. Он привык отдыхать активно. Вот и сейчас дело подвернулось необычное, не по привычному профилю. Тем лучше, будет над чем голову поломать. Кому-то в тягость чужие заботы, а ломовая лошадка Матвеев и рад подвезти. Раз уж по дороге...

С милым рай и в шалаше

Июнь 2009, заимка в трехстах километрах от поселка Валюшино, Н*-ской области

– Вообще-то мне обещали романтический ужин на побережье Индийского океана, посещение буддийского монастыря и прогулку на слоне...

– Ма, ну что ты ноешь? Никуда твоя Индия не денется, а настоящий Алтай увидеть выпадает раз в тысячу лет!

– Да уж... – Валентина ворчала просто так, для порядка.

Куда она без них? А Индия и вправду никуда не денется. Отпуск-то большой. Ее Осман три года не отдыхал. Так что месяц, по крайней мере, им точно обеспечен. И пускай наслаждается своим Алтаем сколько угодно. Она своего часа дождется.

Да и дергаться нет оснований: муж знал, во что вкладывал деньги. Просторная заимка в трехстах километрах от цивилизации отдана в полное их распоряжение. Продукты сбрасывает ежедневно пролетающий мимо вертолет. Любой каприз за ваши деньги. А остальное включено в стоимость путевки.

Баня с выходом на реку, удочки-ружья на любой вкус, соленья-копченья – аналогично. Даже моторка, хоть и плохонькая совсем, но работает исправно. В общем, неделю выдержит. А больше и не надо...

В тайгу они попали по совету двоюродного брата Османа. Тот ходил под впечатлением с прошлого года. И братца-таки подначил: а кому не захочется сбежать от городской суеты в мир первозданной природы? Тот клянул. Даже отпуск сам себе выписал. И Валентине индийский вояж пообещал. С условием: неделю на заимке – две недели в тропиках.

Да она бы и заимкой удовлетворилась, лишь бы рядом с любимыми мужичками быть! Да что там заимкой – шалашиком в лесной глуши!

Ведь Осман и Алик – все, что ей дано Богом. Только цени. А ценить она умела...

Валентине вообще везло по жизни. Сначала ведущий экономический вуз Беларуси. Потом, слету – МГУ. На третьем курсе по обмену в Германию попала. Правда, в то время еще демократическую. Но все же... Там любовь свою встретила.

Мир оказался на редкость тесен. Осман приехал по тому же обмену. Из того же МГУ. Только факультет у него был биологическим. А Валентина осваивала экономическую кибернетику. Если повезет – мечтала свое дело открыть. Повезло. Сразу после красного диплома и свадьбы руководитель дипломной работы сделал ей невероятное предложение. Позвал старшим партнером в свой финансовый центр!

– И Османа своего бери, места всем хватит.

– Какое там! Он свою биологию ни на какие коврижки не променяет!

– А может, и к лучшему. Сейчас ему светиться не резон...

На том и остановились. Началась страшная чеченская эпопея. А Осман был чеченцем. И светиться ему действительно не стоило.

Впрочем, успешного ученого, родившегося и выросшего в столице, не особенно трогали политические катаклизмы. Родни в Чечне не осталось, а интересы Османа распространялись исключительно на биологию и свою семью. Порой Валентине казалось, что муж не в курсе событий, не касающихся любимой науки. Порой подозрения все же возникали, и она старалась оградить родных от ненужных волнений и тревог.

Наткнулась как-то в интернете на статус: «Я женщина: твои мечты – мои заботы». Прониклась. И взяла за правило, которому старалась следовать.

Осман даже не представлял, какую непосильную ношу несет на себе супруга: дом, сын, его самого. Плюс давно ставшее собственным предприятие. Ему казалось, что приятности и удобства случаются само собой. И приличная одежда, и вкусная еда, и новый компьютер. И сын-отличник. И билеты на научные симпозиумы. И публикации в лучших журналах. И...

Ученый с мировым именем. Что тут удивляться? Самый умный, самый красивый, самый нежный... ЕЕ МУЖЧИНА! Остальное не имело ровно никакого значения. И не собиралось иметь в ближайшие... лет двадцать.

– Вот внуки пойдут, тогда и опустят дедушку с небес на землю, – ворковала Валентина в редкие минуты общесемейной идиллии, лукаво подмигивая сыну.

– У кого внуки? – отрывался от монитора Осман. – У Заура?

– У кого же еще! – смеялась супруга, прикладывая палец к губам, предупреждая вопрос Алика.

У Заура уже и правнуки появились. Но не разочаровывать же академика двух известных всему миру академий, что он безнадежно отстал от жизни! Только не это! Так и жили.

А затем Осман возглавил научный Центр космических разработок. Казалось бы, какое отношение имеет биолог, пусть и всемирно известный, к космосу? Оказалось, непосредственное. В Центре шла работа по созданию искусственных организмов для жизни на космических станциях. Так что опыт и возможности Османа весьма кстати пришлись. Только Валентине от этого легче не стало. Муж совсем оторвался от жизни. Они пять лет вместе никуда не выезжали. Практически не выходили. И даже не выглядывали.

– Ваш муж – достояние Федерации! – сказал на одном из приемов министр. – Берегите его для нас!

И она берегла. Из всех сил. Предупреждая желания, заслоняя от проблем. Только бы у него все было хорошо, только бы было!

– И разве скажешь, что не чеченка! – укоризненно качала головой мама. – Куда им до тебя! Ты ж в нем растворилась. Без осадка.

– Так и должно быть! Я же люблю...

– Как бы не сгорела ты от этой любви, девочка моя...

«Сгореть? Легко! И не жалко ни капельки! Только вот сына подрашу... Хотя нет, как тут они без меня? Пропадут же... Придется остаться... надолго. Если не навсегда».

Так и жила Валентина. Купаясь в упорной своей самоотверженности, наслаждаясь великим своим чувством. И огромным женским счастьем.

Успешная в бизнесе, материнстве, любви...

Кому скажи – интимная близость максимум раз в месяц, а радости до следующего раза хватает. И дух захватывает, что даже неудобно перед людьми. А так... ладонь в ладони перед сном. Целомудренный поцелуй в щечку перед уходом. Короткая, но такая сладкая дрема на теплой еще мужниной подушке. И ты уплываешь на волнах счастья...

Теперь Валентина не то что плыла – неслась по этим самым волнам, крутилась в бешеных водоворотах, низвергалась с высочайших водопадов, распадаясь мириадами брызг по высокой сини неба, пронзительной зелени молодых трав, согретой солнцем кедровой коре...

Каждый божий день любимый принадлежал ей. До кончиков пальцев, до последних сидинок на висках, до обрывков мыслей в невероятно мудрой голове! Он даже ноутбук с собой не взял! Просто улыбнулся, развел руками:

– Все, аут, девочка моя, я весь твой. Месяц в полном твоём распоряжении. Ты это заслужила.

И ненастное утро за окном казалось ей солнечным полднем. Холодный июнь – знойным июлем. А порожистая сибирская речка – Индийским океаном. Только бы рядом. Только бы вместе. А вокруг никого...

Два дня они просто наслаждались покоем. И близостью. Сидели у костра, болтали ни о чем, ловили рыбу, парились в баньке. Даже отважились на семейные заплывы в быстром холодном течении реки.

– А знаешь, что эта красавица, – стуча зубами, Осман бежал впереди жены по направлению к бане, – названа в твою честь!

– О какой красавице ты говоришь? – смеялась Валентина, пытаясь опередить мужа – слишком уж холодной была вода в своенравной речушке!

– Об этой! – супруг махнул рукой назад. – О речке, конечно. А ты успела уже приревновать?

– Еще бы! С таким мачо следует держать ухо востро! Стоит лишь на миг отвернуться – уведут!

– Глупенькая моя, – Осман прижал жену к теплой стене парилки, приник к посиневшим от холода губам, – глупенькая... Никто мне не нужен, кроме тебя! А за мачо – отдельное спасибо!

И окатил любимую ядреным хвойным настоем.

– Я тоже так хочу! – дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся и дрожащий всем своим худеньким детским тельцем Алик. – Меня полейте!

И снова банька заходила ходуном – смех, счастливая дурашливая возня, стук тазов и ведер, клубы пара, плеск воды...

Она вернулась к разговору после того как выставила на стол ужин. Непременный самовар, миску с политым медом творогом, плюшки...

– Так кого это называли в мою честь?

– Да речушку эту. Валюшина. Так и называется. Честное слово! И поселок к нам ближайший тоже. Думаешь, я просто так сюда приехал? А вот и нет! С умыслом!

– Знаем мы твои умыслы, – подмигнула Валентина сыну. – Лишь бы по-твоему.

– А вот и нет! – перешел на сторону отца Алик. – Папа для всех старался. Тут вообще – суперски! И банька, и речка, и ягоды! Разве у нас такие водятся? Во – как табуретки из травы выглядывают!

– Ягоды не водятся, а растут, – улыбнулась сыну Валентина. – Это звери водятся. И рыбы, наверное...

– Кстати, о зверях, – воодушевился Осман, – на охоту пойдем?

– Вау!

– Я тебе покажу: вау! Никакой охоты. Нечего на глазах у ребенка над животными издеваться! А еще биолог!

– Милая! Я про фотоохоту. Я же Алику накануне фотоаппарат купил. Забыла?

– Вау!!! Точно! Я сейчас вас шелкну! Надо же! Забыл! А столько снимков можно было уже сделать! Па, завтра опять баньку natoпим. Хочу поснимать, как мы там бесимся... – Алик взлетел на лестницу, ведущую в его комнату, и исчез за дверью.

– Вот это местечко! Сын напрочь позабыл о всех своих новомодных штучках! О прилавке даже не вспоминает. Телефон как оставил в чемодане, так до сих пор не вытаскивал. Теперь вот фотоаппарат...

– Чему удивляться – парень весь день на свежем воздухе. Потом поест и сразу засыпает. А ты говорила: зачем ехать? Да тут от одного воздуха долгожителем станешь!

– Если бы время жизни зависело только от воздуха... – пожала плечами Валентина, разливая по чашкам чай, – а вообще-то мне здесь нравится. Но, учти, Индию никто не отменял!

Осман поднял руки вверх:

– Сдаюсь! А если честно, то и в мыслях не было! Слово свое я держать привык...

– Да, знаю, знаю! Просто вредничаю немножко...

Женщина прижалась к мужу. Так бы сидеть и сидеть. Всю жизнь! Слушать, как поет в углу сверчок, как накрапывает по крыше дождь, как возится наверху сын. Ощущать тепло любимого тела под тонкой мягкостью фланели. Чувствовать биение любимого сердца. Видеть волнующее свечение любимых глаз...

– А вот и я! Ну-ка, все вместе: чиззз! Готово! Ой, нет, самовар не влез! А надо бы с самоваром! Мам, левей давай. И сушки повесь на грудь. Для куража. Суперски! А теперь меня! Вот тут, под рогами...

Фотосессия затянулась до позднего вечера. Алика будто прорвало: и здесь давайте сфотографируемся, и там. И в родительской спальне, на огромной, застеленной вязаным пестрым покрывалом кровати. С горой подушек и настоящей медвежьей шкурой в изголовье. На чердаке, среди душистых связок сухих трав, старинной утвари и слюдяных окошек под самым потолком.

Потом он буквально выволок родителей на резное крыльцо, заставил зажечь керосиновую лампу, взять в руки вилы...

Первым не выдержал отец, наотрез отказавшийся позировать под проливным дождем, сидя на облучке старой повозки:

– Уволь, любимый, все остальное – завтра. Или послезавтра.

– Ну, папа!

– Уволь, сказал. И потом, завтра мы идем в лес, потом катаемся на моторке по реке. Вдруг не хватит памяти у твоего аппарата?

– Ты что, флешку запасную не взял? – брови Алика сложились смешным домиком, губы задрожали, мальчик подозрительно зашмыгал носом. – Как ты мог?!

– Кто же знал, что тебя так понесет? А флешку я в багаж запаковал. У нас Индия впереди...

– Вот и славно, – Валентина прижала ребенка к груди. – Завтра в лесу получатся замечательные снимки. Потом их все пересмотрим и неудачные удалим.

– Точно! – обрадовался Алик. – А ты говоришь: места не хватит! У нас с мамой все схвачено! Давайте, последний кадр, что ли! У туалета! Мои в классе обзавидуются – такой раритет!

Последний кадр плавно перешел в десяток дублей.

– Мам, а чай остыл давно! – поморщился Алик, отпивая глоток. – Погреешь?

– Как я могу отказать своему любимому мужчине? Тем более, поужинать-то мы так и не успели с твоей фотосессией.

– Не с моей, а нашей! – резонно возразил сын, принимаясь лакомиться творогом всухомятку.

И с аппетитом в этих местах полный порядок.

Потом они долго сидели у огня – ночь выдалась прохладной. Алик читал вслух стихи Пушкина – на лето будущему третьекласснику задали прочесть гору книг. А Валентина наслаждалась тихим семейным вечером. И отгоняла непонятную тревогу, засевавшую в сердце с полудня. С чего бы? Вроде бы все хорошо. И впереди маячило пять дней такой понятной и простой жизни.

«Может, плюнуть на эту Индию и остаться на весь отпуск на крутых Валюшинских берегах? Ничего не выдумывать, ничего не ждать, просто жить и быть счастливой? И пускай себе тянется эта неспешная жизнь до бесконечности! А что? Подумаю над этим на досуге», – Валентина улыбнулась Алику и своим мыслям.

– А, нравится? – прошептал ей на ухо всевидящий и всеслышающий господин академик. – А я говорил...

– Тсс... пусть читает, – ответила она, плаваясь в тепле любимого взгляда.

Потом читал Осман, мерно почесывая засыпающему Алику спинку. Валентина убирала со стола, покачивая головой в такт пушкинским строкам.

Потом они долго стояли на крыльце. Слушали дождь. Смотрели на небо. Целовались до головокружения. Снова слушали. Снова смотрели. Снова целовались...

– Звезды... – удивилась Валентина, запрокидывая голову. – И много как! Целые россыпи! Откуда?

– Так дождь прошел... – дыхание Османа щекотало ей ухо.

Такого томления Валентина, кажется, не испытывала ни разу в жизни! Только бы он не прекращал. Говори же! Говори...

– Смотри, видишь?

– Ммммм...

– Не там, чуть левее...

– Ммммм...

– Это Сатурн... а чуть ниже – Меркурий. Скоро начинается парад планет. Хотелось бы полюбоваться.

– И что это за ерунда? Они что, выстроятся по прямой? Но где та прямая?

– Зришь в корень, моя радость, – Осман прижал жену крепче, отчего у той сразу пропал интерес к теме разговора.

Да пусть хоть пирамидой Хеопса выстраиваются – ей-то что за дело? Если рядом... ммммм... господи, как хорошо! И безо всяких парадов!

Но муж увлекся, и Валентине не хотелось его прерывать. Впрочем, она могла слушать и получать удовольствие одновременно...

– Так вот, с данным явлением человечество связывает сотни фактов и тенденций. Как научных, так и псевдонаучных. Считается, что скопление планет в определенном порядке влечет за собой сбой иммунитета живых существ, серьезные природные катаклизмы, повышение уровня радиоактивности. И прочие радости. Даже ось земли может изменить свое положение.

– И на здоровье, – прохрипела Валентина, зарываясь поглубже в ворот мужниной рубашки. – Лишь бы нас не тронула.

– Не скажи. Если верить астрофизикам и астрологам, то порой за таким парадом следуют цунами высотой с километр, способные утопить почти все живое на планете. Активизируется вулканическая деятельность, могут проснуться сверхвулканы...

– Ось, я лучше сама потом о них в интернете прочитаю, – Валентина исподтишка показала язык Сатурну. И Меркурию заодно. – Давай просто так погуляем.

– Милая, я, кажется, увлекся. Прости. Хочу заняться на досуге. А в Центре продолжу. Между прочим, на одном из таких парадов майя предрекли конец света...

Валентина, вздыхая, высчитывала, какую пользу будет иметь с нового мужнего увлечения. Минимум минус двадцать минут свободного времени в день! Ну уж нет! Только не астрология! Или как там ее...

– Ось, оставь ты их в покое! В Библии сказано, что конец света произойдет безо всяких предупреждений.

– Цитата? – в глазах Османа заплясали веселые чертики.

– Ну... типа того...

С парадом планет было покончено. Правда, не сразу, увлекаемый в мокрый сад супруг счел своим долгом предупредить о разгуле анархии и нацизма, а также иных негативных реакциях человеческой психики на злополучный каприз планет:

– Несчастья могут обрушиться на любое государство – революции, террор, крушение идеалов. И на семью, как миниатюрную копию государства...

– Иди же сюда, дорогой, – обольстительно шептала неразумная супруга, жаждущая иных слов и действий, – ты же не оставишь меня одну в мокрой траве? Подождет твой космос...

Валентина увлекла супруга в глубь сада.

– Ну чем не Адам и Ева в райских кущах? Лично мне и шалаша не надо. О, ягоду в траве нашла, хочешь...

– Потом... – Осман бросил на мокрую от дождя траву куртку. Бережно уложил жену. Опустился и сам...

Звезды обрушились на их головы уже через несколько секунд. Вместе с Сатурном, Меркурием и прочими участниками грядущей сенсации... И долго мелькали в глазах утомленной счастьем Валентины в ворохе свежеспавших простыней и подушек хорошо протопленной спальни.

– Если будешь паинькой, – шептали уставшие от поцелуев губы, – рожу тебе девочку. Или мальчика... а может, сразу двойню...

– Валюша, радость моя, с ума сойти! А не боишься? Возраст все-таки...

– Какие наши годы? Да я до полтинника могу матерью-героиней стать! Торжественно клянусь: пятеро! Как минимум...

– Я тебя обожаю...

Любопытные светила таращились в слюдяные окошки крыши. Недовольная распушенностью своих небесных подопечных луна, сердито насупив брови, скользила мимо. То и дело цеплялась за острые верхушки елок, зябко ежилась в пуху облаков, холодно серебрилась в беспокойном речном течении.

Мир спал, равнодушный ко всяческим предсказаниям и предостережениям. День грядущий обещал куда больше астрономического парада. И подготовиться к нему следовало основательно...

– Мама! Папа! Мы проспали! – тишину летнего утра разорвал детский крик.

– Тсс... – Осман обнял сына и приложил палец к его губам. – Пусть мама немножко поспит. Ночь выдалась у нее бессонной...

– Поспишь с вами, – бормотала под нос Валентина, не желая открывать глаз, – как же...

И тут же уснула. И пусть весь мир подождет!

Отец с сыном вышли на согретое солнцем крыльцо.

– И что же мы успели проспать?

– Ну... – растерялся Алик. – Вообще-то я просто так орал. Вместо будильника. Проснулся давно. А вы дрыхнете. Вот и...

– Есть хочешь?

– Давай...

Они обнялись и пошли в кухню.

– Готовить я не мастак, – оправдывался старший, заглядывая в холодильник. – Но на бутерброды способен... Тебе с чем? С колбасой или с сыром? Или йогурт?

– Пап, ты отстал от жизни! Давай я сам...

Младший вытащил из холодильника банку спагетти в мясном соусе и поставил в микроволновку.

– Мамины стратегические запасы, – важно пояснил он в ответ на изумленный взгляд отца. – Две минуты – и блюдо готово. А ты пока займись чаем. Где-то тут пончики были. Сейчас мы их...

– Мммм, как тут у вас пахнет... – застыла на пороге Валентина. – Хозяйничаете?

– Присоединяйся, – высокомерно кивнул Алик, – сегодня я дежурный по завтраку. Папа в осадке...

– Ребенок, прекрати выражаться! Твой словарный запас вполне позволяет...

– Валь, правда, я выпал в осадок. Наш парень даже спагетти готовить умеет. За две минуты!

– С волками жить... – пожала плечами Валентина. – Оставьте мне немножко. Я в душ...

Она долго и с чувством распевала арии и романсы в струях горячей и холодной воды, с удовольствием растиралась жестким полотенцем и любовалась заглядывающими в окно ванной елями. Желание остаться в тайге до конца отпуска укоренялось в сознании не по дням, а по часам.

– Если так и дальше пойдет, я останусь тут на всю жизнь...

Потом они носились по траве за мячом, направо и налево разбрасываясь полученными калориями. Хохотали над собственными неловкостями. Цепляли на голову друг другу вчерашний венок из полевых цветов. Корчили смешные рожицы. Кружились в диких танцах. И чувствовали себя абсолютно счастливыми.

– Купаться идем? – выдохнул Алик, падая в траву без сил.

– Какое там! Холодно... лучше вечером после баньки... – пристроился рядом отец.

– Предатели! Мне, что ли, мячик из крапивы доставать? – возмутилась Валентина, но тут же сменила гнев на милость. – После баньки хорошо...

И вот уже три головы вместе, ноги-руки – во все стороны. Глаза к солнцу. Семейный цветок Османовых готовился встречать новый день. Цветик-шестицветик. Осталось лишь желание загадать.

Из кухни оптимистично прокуковала семь раз кукушка.

– С чего начнем? С рыбалки? Или на моторке покатаемся?

– Только не на моторке... – подхватила Валентина, вспомнив о вчерашней тревоге. – Там же бензобак протекает! Давайте лучше лодку возьмем. Алик научится с веслами управляться.

– Мам, с веслами завтра... – захныкал сын. – Папа обещал с ветерком.

– Отец...

– Да ладно, Валь, от нас не убудет. Мы только до поворота и обратно... Я перед отплытием моторчик протру аккуратненько. Раз уж обещал...

– Ося, но это опасно...

– Мы только разочек...

– Тогда я – пас. Буду рыбу ловить.

– Всеми руками за: женщина на борту – жди неприятностей...

– Ах, так! Тогда поплывете только после обеда! А сейчас идем в лес. За ягодами. Надо же женщине заняться чем-то полезным, пока мужчины в плавании.

– Ну, мам, ты же рыбачить собиралась... А мы быстренько...

– Знаю я ваше быстренько! Сказано: после обеда! – и Валентина утвердительно стукнула кулачком по траве. Звука никто не услышал.

Легким движением руки она отвоевала у судьбы несколько часов счастья...

Не было бы счастья...

Март 2009, губернский город Н*

– Ой, Мишка, привет! А ты откуда? Сто лет о тебе ни слуху ни духу! – Матвей громко дышал в трубку. – Приехать? Да на здоровье! А давай прямо сегодня! Что? Не получается? Жаль... Послезавтра? Ну, давай... Будь здоров! Тетеньке привет!

Матвей отключился. Швырнул телефон куда-то в угол. Прошипел растревоженной коброй:

– Нейдется вам, дачники хреновы...

Налил себе снова...

Он бы и не стал вспоминать какого-то там троюродного (или типа того) братца, подумаешь, седьмая вода на киселе! Но припекло. А Михаил, как считали в семье, был дока в распутывании всевозможных житейских клубков. Причем, чем запутаннее ситуация, тем больше шансов выиграть. Так говорили дядя, а им Матвей привык доверять. Еще бы – генералы! Все до одного. И он бы мог стать. Но...

В принципе, Матвею нравилась собственная жизнь. Как и то, что далека она от армии, как их область до столицы. И плевать на всяческие фамильные заморочки – тоже мне, понимаешь, династия! Ну, прадеды полками командовали. Ну, деды... Дядя еще дальше пошли. А толку? Вон папахен сгинул в афгане ни за что. А не пер бы на рожон, сыну не пришлось теперь перед всякими козлами пресмыкаться.

Да уж... не было бы счастья, да несчастье помогло. И не одно...

Жил да был себе на белом свете смазливый мальчишечка без определенных интересов. Скакал от кормушки к кормушке. То в очереди нескончаемых любовниц, то в горстке доверчивых начальников, то в клане жалостливых родственников.

Там клонет, тут откусит, здесь отхлебнет. И сыт, и согрет, и доволен почти. Но годы шли, и тылы следовало прикрывать основательно. Матвей взялся за дело с наиболее приятной стороны. Предварительно пораскинув слегка перекошенными не в ту сторону мозгами – успехи в казино, пусть и редкие, даром не проходят. В общем, напрягся...

Доверчивых начальников откинуть пришлось сразу. После распада Союза их заметно поубавилось. Жалостливые родственники смотрели на вечного просителя косо. А вот женщины...

Те мало менялись. Что раньше, что при Федерации – косяком перли. Только успевай вниманием одаривать. Главное, что б подруга подруге глотки не перегрызали. И отпускали с миром. А в остальном – сплошное удовольствие. И накормят, и напоят, и денег с собой дадут.

С годами Матвей заматерел. Приобрел неотразимую импозантность. Отшлифовал обаяние и сексуальность. И мог себе позволить любой уровень сложности в сфере обольщения. И позволил. Перебрав в одно прекрасное утро возможных кандидаток на вакантное место супруги, остановился на миловидной блондиночке с превосходным бюстом и не менее превосходным папашей-бизнесменом второго звена. На первое не решился. Тут бы со вторым разобратся.

Потому как будущий тесть навел кавалера сразу же после предложения избраннице руки и всего остального.

– В общем так, зятек, ты, как я понял, тот еще хлыщ, – перешел он с места в галоп. – Дочка у меня одна, потому, раз ей так хочется, женитесь. Но! – огромный тестев палец с массивной золотой печаткой угрожающе сотряс воздух в миллиметре от Мотиного носа. – Чтоб без фокусов! Триста тысяч в месяц, а дальше крутитесь, как знаете! И никакой полиции! Мне и собственных проблем хватает. Я все сказал!

Как отрезал. Но свадьбу справил. И деньги присылал исправно. И даже отмазывал порой Матвея от возникающих неудобств. А триста тысяч поначалу казались приличными деньгами. Это на всем-то готовом!

Молодые супруги обзаводились полезными связями, образ жизни вели светский. Отдыхали на самых престижных курортах. Посещали лучшие концерты и спектакли. Отоваривались в самых дорогих магазинах.

Новый уровень жизни требовал большего. Работать же Матвею не хотелось. Зато в казино он являлся регулярно. Диана, погруженная в собственные заботы и радости, мужнины слабости игнорировала. При этом ловила каждое слово любимого, предупреждала каждое желание, с завидным рвением обустроявая семейное гнездышко, намереваясь прожить в нем с супругом всю жизнь.

Тот был не против. Прекрасная (и никак иначе) Диана оказалась и верной женой, и страстной любовницей, и преданной подругой, и заботливой хозяйкой. И, что он особенно ценил, успешным адвокатом перед крутым папашей.

Нет, по-крупному Матвей старался не нарываться, мелькающий перед глазами палец с печаткой запомнил на всю жизнь. А по мелочи бывало...

То проиграется подчистую, то морду важному чиновнику по пьяни набьет, то по той же пьяни (не сидеть же букой в ресторане за ужином!) скорость превысит. Да и выделенных семейству денег хватать вдруг перестало. Да что такое триста тысяч в наше время? Неделя на Гавайях, шубка для Дианы и десяток вечеров в казино.

Но тесть уперся:

– Мало? Так заработай больше! Тебе еще сорока нет – пахать можно! Вот и паши...

Сейчас! Вот так возьму и...

Но пришлось. И Матвей занял тепленькое местечко в губернской управе. И случилось это сразу после второго в его жизни относительного несчастья. Первым он совершенно искренне считал тестя.

А второе... И ведь пьяницей не был! Ну, двести пятьдесят граммов коньяка за вечер – детская доза! Ну, рюмашка рома на сон грядущий. Или стопарик беленькой в стрессовой ситуации. Да бутылка-другая в теплой компании. Но под хорошую закусь! И все дела!

А ведь не напились бы, не случилось бы ничего. Хотя, кто его знает... Ладно, случилось и случилось. Потом потихоньку утряслось. И тут тесть вмешался с дочкиной подачи – адвокаты нынче недешевы. В общем, утопталось, лебедой поросло. Забылось вроде бы.

А вот дружба укрепилась, на той самой заморочке замешанная. Ты ему помог, он – тебе. Приняли Матвея большие люди в свою компанию. На равных приняли. Хотя раньше только ради тестя и держали.

Сам управляющий делами губернатора так прямо и сказал:

– Нам проверенные люди нужны, Мотя! По самое не могу. Так что быть тебе начальником отдела. С осени приступишь. Похлопочу...

И похлопотал. Место – вполне спокойное. Оклад, конечно, с тестевыми вливаниями не сравнить, но вполне по губернским меркам приличный. И самое главное – никаких пертурбаций. Сиди себе, перекладывай бумажки, обзванивай людишек по списку.

А что там наверху – Иванов ли, Петров ли, а то и сам Сидоров – тебе не то, что фиолетово – черно-буро-малиново! У них своя свадьба, у нас, как говорится, не хуже. Как бегали городские-районные начальнички на поклон, так и бегают. Как кланялись, так и кланяются. Как клали в карман конверты, так и кладут. И ведь класть будут! И теперь суммарный доход Матвеева составлял почти половину тестевой субсидии. А самого Мотю в городе знали и уважали. Или делали вид, что уважают. Чем не жизнь?

Он давно и прочно вошел во вкус нового положения. Даже на работу не опаздывал. А порой и задерживался – мало ли, то корпоративчик, то прием в верхах, то секретарша новая... И терять своего места не собирался.

Но планы планами, а природных катаклизмов никто не отменял. Вот и затяжное вёдро сменилось переменной облачностью, грозившей скорым ненастьем. И Матвей зашевелился – самое время подыскать нужный зонтик. Самое время...

Тут и вспомнились дядья-племянники. Дяденьки при чинах на многое способны. Да и из тех, кто помоложе, пользу извлечь можно. Так с помощью дядьки-генерала он вышел на бывшего обэповца и небывшего кузена Михаила. А тот как раз и сам в Н* обозначился. Приятное совпадение, как не посмотри!

– Ладно, сиди на своей даче, – процедил он сквозь зубы, рассматривая принесенный женой рекламный проспект, – а мы пока в Таиланд смотаемся. Раз такие скидки! Глядишь, российские ненастья там меня не достанут...

Телефон сердито хрюкнул в дальнем углу комнаты. Надо же! Живой...

– Внимательно... – распевно произнес Матвей, пытаясь запомнить высветившийся на дисплее номер. – Да, помню... Но...

Еще один бросок. Похоже, сегодня новенькому «эпплу» придет конец. Или опять позвонить Мишке? Вот козел! Мог бы и сам догадаться, что дело не терпит отлагательств...

– Интересно, с какого боку за меня взялись? Уж не с Гулькиновского ли? Да нет, я-то там не при делах. Декабрьский междусобойчик? Мелочи жизни! Аванс за таежный пансионат? Уже хуже... А что, если малолетка завякала? Так я ж отстегнул прилично... Блин... Ведь не хотел связываться! Не хотел... Ну, жучара, ну, подставил... Тогда конец! Тесть не простит. Он в прошлый раз конкретно предупредил: еще одно следствие, и Дианка останется без мужа. И что-то там прозрачно намекнул насчет вдовы. Благодетель!

Матвей хорошо понимал, что с новой проблемой обращаться к тестю чревато как раз из-за последнего намека. Да и не собирался. Ему бы только узнать, откуда сквознячком потянуло:

– А там братву подключим, зря, что ли, Жук ее подкармливает. Или она его... А чё? Запросто...

Последний домысел вернул страдальцу хорошее настроение. В любом случае месяц в его распоряжении имеется. А за это время можно и в Таиланд слетать. И шантажиста вычислить.

Он в очередной раз реанимировал телефон и решительно набрал номер турагентства. Намереваясь насладиться жизнью до конца. А там как Бог даст...

И так приятно возвращаться под крышу дома своего...

Ю. Антонов

Апрель 2009, город Н*

– Весна-то какая, весна! – всю дорогу радовалась маменька.

Михей хмурился, сосредоточено управляя машиной. Однако предпочитал обходиться без колких замечаний. Пускай порадует женщина. Теперь ей каждая мелочь в радость.

Честно говоря, за неделю на даче он успел устать от постоянных приливов восторга. Хоть и понимал, что ни весна и ни первые проклюнувшиеся на клумбе подснежники, а именно он тому причиной. И все же неловко ежился под счастливыми мамиными взглядами. Вздрагивал от ежеминутного прикосновения ласковой ладошки к седоватому ежику на макушке, к небри-той – отдыхать, так отдыхать! – щеке, к давно затянувшейся на предплечье ране...

Отвык... А привыкать пока не рисковал. Вдруг втянешься?

– Ой, смотри, грачи прилетели...

– Ма, ты ж мне писала, что они вообще перестали улетать.

– Да? – удивилась Нонна Трофимовна, нежно пригладив непокорный сынов ежик. – Да это другие. У нас их теперь столько развелось...

– По-моему, это вороны...

– Да? Может ты и прав. Но весной-то пахнет, правда, сынок? Голова кругом... Ты бы окошко пошире отворил...

– Чтоб ты простыла? Нет уж, дома будешь нюхать. Под балконом автострада – так что самые весенние запахи будут в полном твоём распоряжении.

Нонна Трофимовна за словом в карман не лезла:

– А я в твоё окошко буду выглядывать. Со стороны парка. Ух, и надышусь!

До конца отпуска оставалось пять с половиной месяцев. Чуть больше, но Михею хотелось слегка поторопить время.

– Худенький какой! – жаловалась мама, перенеся поглаживания на спину сына. – Ничего. Мы с Леночкой тебя откормим. На страх врагам...

– Каким врагам, мама? Смею напомнить: я обыкновенный доктор экономических наук, временно работающий за границей...

– Ну да, сынок. Ну да. Я имела в виду именно это. Может, не так выразилась: не врагам, конкурентам. Прости уж меня, дуру старую!

– Что за намеки? Мы ещё тебя замуж выдадим!

– Значит, дура я молодая? Тоже мне утешение... Ой, давай здесь остановимся! У меня в холодильнике шаром покати...

– Это вряд ли, твоя Леночка бдит.

– Ну, ей по штату положено...

Они остановились здесь и там, и ещё где-то. В результате Михей еле доволоч до квартиры несколько увесистых пакетов с едой и напитками, набор каких-то абсолютно необыкновенных кастрюль.

– День добрый в вашу хату!

– О, Леночка! Как ты тут без нас? Вон, Бублик как соскучился!

Здоровенный котяра выглянул из переноски и громко мяукнул в сторону соседки.

Вообще-то Михей назвал его Баббл-гамом, поскольку обнаружил подкидыша с залепленной жвачкой мордочкой. Но маменька переименовала заморское прозвище на русский лад, и сын не стал спорить. Так в их квартире стало одним хлебобулочным изделием больше...

Теть Лена облобызала сначала Бублика, потом Нонну Трофимовну, приветливо улыбнулась отпрянувшему на всякий случай Михею и завопилась с ключом.

– Заедает слегка. Но теперь мужчина в доме, вмиг поправит! А я как чувствовала – голубчиков наворотила с утречка. И хлебушка свежего купила...

– Да мы тут в супермаркет заскочили. Тоже набрали кой-чего... Сына кормить надо как следует. Не то, что мы с тобой – творог да чаек, чаек да творог...

Михей оставил сумки на кухне и скрылся в ванной. Похоже, дамское кудахтанье ему обеспечено на всем протяжении отдыха.

– Нет, надо в срочном порядке найти попутчицу и махнуть в Крым, – делился он планами с котом, тоже не пребывавшем в восторге от оживленного женского диалога.

– Мяууу? – вопросительно простонал тот.

– Нет, брат, тебе придется остаться. В самолет котов не берут. Да и подружки твои соскучились.

– Мяууу? – собеседник глубокомысленно взглянул на подоконник.

– Давно пора, – Михей распахнул створку и выпустил домашнего любимца на свободу. Бедолага, весь март провел у черта на куличках, самое время наверстывать упущенное.

Да и самому Михею заняться делами не мешает. Непростым оказалось сосватанное Востриковым дело. Совсем непростым.

Отобранная в интернете информация доказала одно: предварительные гипотезы не подтверждались. Предполагаемые и реальные жертвы по базе местного УВД скопом не проходили. Так, по мелочам. В качестве свидетелей. По одному или парами.

– Больше трех не собираться, так, что ли? – прохрипел в трубку поднятый с отсыпного Борисик.

– Типа того... Да и не положено людям такого уровня по обычным базам проходить.

– А если политика? У нас выборы на носу...

– А резон какой? Если бы политика, то отстреляли пару штук, своими разбавили – и готово. А тут – сплошной креатив.

– Маньяк?

– Не хуже меня знаешь, у маньяков с фантазией туго. Один вариант на всю серию. Максимум, два. У них не в ту сторону интерес распространяется.

– Не всегда...

– Да куда уж без исключений... И потом, у маньяков все гораздо кровожаднее. А тут... Вроде как жалеючи, хотя и по живому режет... На месть, я бы сказал, похоже...

– Типа – обидели мышку, нагадили в норку? Вот мышка и отвечает?

– А что тут еще может быть? Сам посуди, конкуренция – узко, политика – широко, раздел территории...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.